

16+

Фантастическая повесть

ТРОМАХ

Леонид Волчек

Леонид Евгеньевич Волчек

Промах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63091703

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03225-5

Аннотация

Фантастическая история двух бойцов спецподразделения, волею судеб заброшенных в прошлое. Написанная от первого лица повесть, заставляет проникнуть в глубину боли и переживаний одного из них. До последней своей строки книга хранит интригу.

Содержание

Глава первая. Рота	4
Глава вторая. Задание	20
Глава третья. Десант	31
Глава четвёртая. Верхний Мел	47
Глава пятая. Путь к горам	66
Глава шестая. По ту сторону гор.	77
Глава седьмая. Оккотононуси	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Леонид Волчек

Промах

Глава первая. Рота

На плацу, в ожидании своего командира, стояла отдельная мотострелковая рота специального назначения внутренних войск МВД Республики Беларусь. Об этой роте никогда не писали в газетах, не судачили на кухнях, в гости к солдатам не приезжали родственники. Даже письма бойцам никто не писал. Каждый из солдат, служивших в этой роте, давал пожизненную подписку о неразглашении сведений своей службы. Когда контракт заканчивался, солдатам вносили в военный билет ложные данные о службе в Минском милицейском батальоне и ставили на особый учет в КГБ. Если кто-то из бывших военнослужащих роты решал на гражданке выпить лишнего, или совершить иной проступок, дававший повод подумать, что человек больше не способен контролировать свои поступки и эмоции, его арестовывали по подложному обвинению и отправляли в тюрьму особого назначения, чтобы там попытаться вправить парню мозги или просто изолировать от греха подальше. Всё, связанное с этой ротой носило статус «особый» и служба в ней была не почёт-

ной обязанностью, а тяжёлой, и порой невыносимо тяжёлой необходимостью. Местное население, проживавшее в районе базирования роты, даже не подозревало о её существовании, несмотря на то, что в увольнение солдаты, проходившие здесь контрактную службу, ходили в форме военнослужащих милицейского батальона.

Странная была эта контрактная служба, по условиям ничем не отличавшаяся от службы, именуемой срочной. Да и парни, служившие в роте, были не менее странными. Никто из них не знал, чем его сослуживец занимался на гражданке. Только догадки. Никаких личных дел, поздравлений с днём рождения и совместных празднований. Никаких писем от родных, ни посылок. Здесь не звучали имена и фамилии, а только номера и клички. Номера, заменявшие фамилию, имя и отчество, носили официальный характер, а клички были единственным проявлением неуставных взаимоотношений. Каждый из солдат обладал определёнными особыми способностями, ведь неспроста их собрали всех вместе, но на разговоры об этом также было наложено строжайшее табу.

Сто четыре человека. Сто солдат и четыре офицера. Ни ефрейторов, ни сержантов, ни старшин, ни прапорщиков. Вместо имён и званий только номер, пришитый под шевроном. Номер «сто четыре» был у командира роты, а номер «один» у самого «молодого» солдата, появившегося в роте последним. Чваниться своим первым номером, солдату при-

чин не было, ведь такая расстановка номеров говорила лишь о том, что больше ста четырёх человек в этой роте уже не будет.

За спинами солдат, безропотно стоявших на плацу, располагалось одноэтажное здание, в котором находились казарма и ротная канцелярия. Окна канцелярии выходили на плац. Солдаты знали, что ротный в этот момент смотрит на них в окно, умышленно испытывая солдатское терпение. Но рота была привычна к такому испытанию.

Начал накрапывать дождик. Когда первые крупные капли упали мне за воротник, я непроизвольно поёжился. Всё же, стоять стало чуточку веселее, ведь у меня появилось хоть какое-то развлечение. Я смотрел на спину стоявшего передо мной бойца и тщетно пытался угадать, в какое место его широких плеч упадёт очередная дождевая капля. Капли оставляли на гимнастёрке небольшие тёмные пятна, которые под воздействием горячего молодого тела быстро светлели и исчезали, освобождая место для падения новых капель. Моя игра грозила стать бесконечной, но через три минуты дождь усилился, сделав неуместным придуманное мной развлечение. Он быстро и надёжно окрасил плечи бойца в мокрый цвет. Я перевёл взгляд на уши солдата. Теперь я старался угадать, с мочки какого уха первой упадёт на ворот гимнастёрки набухающая капля.

Наконец появился ротный. Невысокого роста, щуплый, энергичный, похожий на сжатую пружинку, он шёл, гордо

выпятив грудь, показывая всем своим видом, что дождь ему нипочём. Вот он пересёк воображаемую черту, местоположение которой знал каждый солдат, и рота без команды стала по стойке «смирно». Ротный дал команду «вольно» небрежным взмахом руки и остановился в центре плаца.

Дождь перешёл в ливень. Удары крупных дождевых капель по жестяной крыше казармы переросли в сплошной гул.

– Бойцы! Надеюсь вам не нужно говорить о том, что всё негативное и позитивное, происходящее в жизни каждого из нас, всего лишь проявление нашего отношения к тому или иному явлению! – ротный явно собирался хорошенько нас вымочить. – Всё происходит не вокруг нас, а только в нашей голове. Вам мокро и холодно? Поменяйте своё отношение к дождю, и он вам станет приятен!

Крупные дождевые капли чувствительно били по плечам и голове. От их ударов не спасали ни краповый берет, ни гимнастёрка. Я постарался мысленно дистанцироваться от воздействия дождевых капель на мои голову и плечи, но тут на плац упала первая градина.

Ротный посмотрел на слегка посветлевшую серость неба и продолжил:

– Всё в наших головах. Боли нет. Страх нет. Есть только чувства и ощущения. Они являются реакцией нашего мозга на некое влияние извне. Только от нас зависит окраска этой реакции на внешнее воздействие. Только мы сами позволяем своим эмоциям окраситься либо в чёрный цвет негатив-

ва, либо в розовый цвет позитива. Вам неприятно от того, что вы мокры? Не доставляет удовольствия, что ваши намоченные гимнастёрки противно липнут к телу, лишая защиты от окружающей среды? Это только в ваших головах! Поменяйте своё отношение к происходящему, и вы можете навсегда сделать себя счастливым человеком!

«Бла, бла, бла», – подумал я и в этот момент увидел, как напряглась шея впереди стоявшего бойца. С чего бы? Через мгновение на роту обрушился ледяной дождь, а ещё через секунду ледяная горошина попробовала пробить мне ухо. Я посмотрел на уши бойца стоявшего передо мной. Одно из них начало приобретать багровый оттенок. Ещё один ледяной снаряд ударил меня по тому же уху. Боль от ударов ледышек по голове и плечам тут же исчезла, сосредоточившись в расстрелянном тучами ухе.

«Всё в голове, говоришь?», – я перевёл взгляд на ротного. Тот, важно вышагивая перед строем, продолжал убеждать нас про «всё в голове». Град не переставал. Судя по цвету неба, даже не собирался. Наконец ротный дал команду «направо, бегом марш» и сам побежал в сторону ворот. Он всё-таки решил устроить нам запланированную пробежку, невзирая на непогоду. Ну что ж, побегаем. Не привыкать. Ворота, ведущие на ротный стадион, обнесённый, как и территория роты, высоким бетонным забором, начали отъезжать в сторону, но неожиданно для всех, ротный жестом приказал дежурному КПП закрыть ворота.

– Рота, стой! Разойдись! – скомандовал негромко ротный, развернулся и направился к дверям канцелярии. Ребята тут же повернулись на стовосемьдесят градусов и ломая построение пустились рысью в казарму. Я, не обращая внимания на усилившийся град, остановился, сделав вид, что поправляю гимнастёрку, а сам пропустил ротного мимо себя. У меня появилась догадка, почему мой командир так внезапно изменил своё решение побегать и мне хотелось найти ей подтверждение. Так и есть, одно ухо ротного горело алым цветом. “Всё в голове!” – злорадно рассмеялся я про себя, припустив за пацанами в казарму.

Широкий тамбур казармы выводил в коридор, расположенный перпендикулярно тамбуру. Входящий имел возможность пойти прямо в оружейную, либо повернуть направо к дверям канцелярии, либо налево, где в конце длинного перехода так же возникали два возможных пути: налево в туалет и душевые, а направо в спальню. Огромная, словно спортзал спальня была заполнена одноярусными кроватями. В конце спальни находилась дверь, ведущая в ещё один коридор, параллельный первому. В этом коридоре прямо напротив дверей спальни находилась санчасть на десять кроватей и карантинной комнатой ещё на три спальных места. Я не помнил ни одного случая, чтобы в санчасти кто-нибудь лежал. Дальше по коридору была офицерская, также постоянно пустовавшая, за ней комната досуга личного состава. В комнате досуга, помимо тридцати стульев, у дальней стены

стояли телевизор, проигрыватель винилов с хорошей акустикой и мр3-центр. В стене справа темнел проём, за которым находился спуск в подвал. В подвале располагался большой спортзал с тренажёрами, рингом, борцовским ковром, стендом для метания ножей и ещё один стенной проём со спуском в тир. Тир со спортзалом были главным местом досуга наших бойцов. В качестве тренеров и инструкторов в основном выступали офицеры. Ротный к тому же был главным арбитром. Столовая, сушилка и каптёрка располагались в соседнем здании.

Я прошёл в спальню, открыл свою тумбочку, достал из неё спортивный костюм, тапочки и бросил их на кровать. Затем снял с себя всю мокрую одежду. Мои сослуживцы уже развесили промокшую форму на спинки кроватей, но я решил поступить иначе. Я сгрёб свои вещи в охапку и, будучи совершенно голым, пошёл в сушилку.

Град кончился, но дождь был ещё довольно силён. Я вышел из тамбура и направился к дверям сушилки, осторожно ступая босыми ногами по усыпанному градинами асфальту. Ступать на них было неприятно, а порой даже больно. Впереди маячила голая мускулистая фигура ротного. Он, так же как и я, нёс мокрую форму в сушилку, вот только шёл он, как всегда, уверенно и гордо. На ногах его красовались резиновые шлёпанцы кислотно-жёлтого цвета.

«Вот же дурень», – в сердцах обругал я сам себя, но за шлёпанцами возвращаться не стал. Ротный скрылся в дверях

сушилки, а я, чертыхаясь, двинулся по градинам дальше. Мы столкнулись с ротным в дверях, когда он уже шёл обратно. Ротный оглядел меня с ног до головы, кивнул одобритительно, показывая, что доволен моим поступком – голым идти в сушилку, ведь из промокшей под ливнем роты нас таких оказалось только двое.

Вернувшись в казарму, я взял с тумбочки своё полотенце и прошёл в душевую. Ротный был уже там. Постояв минуту под горячими струями, я тщательно вытерся, затем облачившись в спортивный костюм и тапочки, вернулся в спальню.

– Пацан!

«Пацан», – это моя кличка. Не скажу, чтобы она мне нравилась, но в нашей роты были клички и похуже. Я обернулся. «Двадцать четвёртый» сидел на своей кровати и смотрел на меня.

– Пошли в тир, Пацан. Зарубимся на пистолетах.

– Пошли, – я был лучшим стрелком роты. Даже офицеры вызывали меня на соревнования, чтобы не просто популять по мишеням, но и поучиться.

Здесь никто не стеснялся спросить совета у лучшего, постараться перенять у него опыт. Я сам не раз вызывал на учебные поединки парней, которые были лучше меня в своих видах спорта. Я же пока был вне конкуренции в фехтовании и стрельбе из всех видов стреляющего оружия, включая арбалет и лук. Мы прошли в оружейную, где по очереди прижав большие пальцы левой руки к сканеру отпечатков,

открыли шкаф с пистолетами.

– Какие выберем? – я умышленно дал сопернику право выбрать пистолет более удобный для него, чем другие.

– Давай Glock 17 Gen5.

– Хороший выбор, – мне нравилась эта модель, хотя сам я предпочитал Beretta M9.

Чем мне нравилась служба в роте, так это тем, что никто не контролировал, из какого оружия ты стреляешь в своё свободное время и сколько патронов при этом тратишь. Здесь буквально у каждого можно было найти в карманах пригоршню, а то и две пригоршни патронов разного калибра.

Прихватив с собой по пачке патронов, мы спустились в тир. На каждом рубеже ведения огня лежали очки, защищающие глаза от отскока гильзы и наушники, но наши ребята принципиально ими не пользовались. Мы повесили мишени и заняли свои позиции.

– Правила озвучь, – попросил я «двадцать четвёртого».

– Обойму по очереди. Стрельба с секундным интервалом.

– Годится. Кто первый?

– Ты конечно, – не задумываясь, ответил «двадцать четвёртый».

Я включил электронный метроном на секундный интервал. Звук, издаваемый метрономом, был глухой. Он очень напоминал стук сердца, словно его специально записали, приложив микрофон к чьей-то грудной клетке. Нашей задачей было стрелять так, чтобы звук выстрела сливался со сту-

ком метронома. Для выявления победителя в конце упражнения сверялись мишени и отнимались баллы за каждое отклонение выстрела от метронома.

Я поднял руку с пистолетом, прикрыл один глаз и медленно выдохнул. Это было сложное упражнение, к тому же в обойме Glock 17 Gen5 было семнадцать патронов. Чем вместительней обойма, тем трудней выдерживать ритм, стреляя при этом точно. К примеру, у моего любимого пистолета Beretta M9 ёмкость магазина всего лишь на два патрона меньше, но даже такая незначительная разница существенно облегчала выполнение этого упражнения.

«Тум...тум...тум...» глухо стучало чьё-то сердце в динамиках метронома. В такт ему мой Glock дырявил мишень. Сделав семнадцать выстрелов, я по-ковбойски дунул в ствол и повернулся к сопернику стоявшему за моей спиной:

—

Твоя очередь, Шляхтич.

— Давай ты ещё одну серию сделаешь. Мне показалось, что я наконец-то поймал нюанс, который раньше в твоей стрельбе не замечал, — попросил «двадцать четвёртый», протянув мне снаряжённую обойму.

— Не вопрос, — я взял обойму, перезарядил Glock и снова поднял руку.

«Тум...тум...тум...». Семнадцать выстрелов и опять ни одного сбоя. Я повернулся к «двадцать четвёртому»:

— Что за нюанс ты заметил, если не секрет?

– Не секрет, – «двадцать четвёртый», заняв место у ружья, начал снаряжать магазин. – Угол между кистью и предплечьем. Я только сейчас заметил, что мы ставим пистолеты под разным углом.

– Тебе это вряд ли поможет. Постановка кисти – всего лишь привычка. Мне с первого в своей жизни выстрела было удобно ставить кисть именно так и произошло это автоматически. Твоё тело интуитивно выбрало другой угол.

– Конечно же, привычка. Однако, смена привычки, бывает, идёт на пользу, – «двадцать четвёртый» вскинул пистолет.

«Тум-тах... тум-тах...» и после трёхсекундной паузы «тум...тум...тум...». Подмеченный нюанс провалил «двадцать четвёртому» серию выстрелов. «Двадцать четвёртый» достал из пистолета пустую обойму и молча начал её снаряжать. Я протянул ему свою полную, «двадцать четвёртый» взял обойму, зарядил оружие, и через секунду поднял пистолет для стрельбы. «Тум...тум...тум...» Вторая серия выстрелов была безупречна, но мы ещё не проверяли точность стрельбы.

Мы положили оружие на стол, крышка которого была обита листовым железом, затем пошли за мишенями. Взглянув на мишени, «двадцать четвёртый» пожал мне руку, молча поздравляя с победой.

– Продолжаем? – спросил я.

– Нет. Но я останусь. Привычку буду нарабатывать.

В этот момент в тир вбежал «одиннадцатый»:

– Мужики, там «первый» вызвал на бой «девянсто девятого»! Айда зарубу смотреть.

– Мне ещё почти полторы сотни патронов утилизировать надо, – ответил «двадцать четвёртый». Взяв две новые мишени, он пошёл их вешать.

– Ты что ли одновременно по двум стрелять будешь? – спросил «одиннадцатый», но «двадцать четвёртый» даже не обернулся.

Я потянул «одиннадцатого» за рукав:

– Пошли, Гоблин. Шляхтич сам разберётся, – затем, повернувшись, крикнул «двадцать четвёртому» в спину. – Шляхтич, мой пистолет тоже сдай в оружейку.

«Двадцать четвёртый», не оборачиваясь, поднял руку, давая понять, что услышал и согласен.

Я знал для чего «двадцать четвёртому» сразу две мишени, но не видел необходимости объяснять всё «одиннадцатому». «Двадцать четвёртый» не глупый парень. В одну мишень он будет стрелять по своему, а во вторую с подсмотренным «нюансом», а потом сравнивать точность стрельбы. Конечно же, можно было повесить шесть мишеней, чтобы не бегать часто туда-сюда, тем более что ширина тира позволяла сделать это, но тогда появлялась возможность запутаться в мишенях при сверке.

В спортзале вокруг ринга, расположенного на полуметровом возвышении, собралась почти вся рота. Ротный сто-

ял посередине ринга, а в противоположных углах облокотившись на канаты, расположились «первый» и «девяносто девятый». Бой обещал быть увлекательным, ведь для этого имелось как минимум две причины. Одна из них – «девяносто девятый». Он был грозным бойцом. Судя по тактике рукопашного боя, «девяносто девятый» явно занимался в своей жизни многими единоборствами, причём в каждом был хорош. Впрочем, любой из нас мог бы добиться самых высоких результатов в спорте, но в силу каким-то, ведомым только нам самим причинам, мы никогда не пытались сделать спортивную карьеру. «Деваносто девятый», несомненно, мог бы стать бойцом ММА мирового уровня и войти в пятёрку сильнейших, но не стал, а был завербован в нашу роту, где, по моим прикидкам, не меньше пяти лет продолжал оттачивать своё мастерство.

Вторая причина – «первый». «Первый» был загадкой. Он появился в роте совсем недавно. Никто из солдат не знал о его способностях, а так же в чём он преуспел лучше всего. На «физо» и полосе препятствий «первый» пока не блистал. Именно эти обстоятельства делали предстоящий поединок интригующим.

Ротный поднял руку, требуя тишины и внимания:

– Господа, сегодня два замечательных человека будут мордовать друг друга по правилам М1 Глобал. «Первый» вызвал на поединок «девяносто девятого». В случае победы он требует, чтобы его больше не называли Салабоном, и полу-

чает почётное право выбрать себе кличку сам. «Девяносто девятый» в случае победы, закрепляет за «первым» кличку «Салабон» до конца службы.

– Вау!!! – громко выдохнул кто-то из присутствующих.

– Всё это оговорено заранее и скреплено рукопожатием, – закончил свою речь ротный и скомандовал. – Бойцы, в центр ринга!

«Что «вау», то «вау»», – я был удивлён не меньше остальных зрителей. Интрига нарастала. Если «первый» согласился на такие условия, он либо глупец, либо невероятно сильный боец. Я склонялся к первому варианту, ведь в силу возраста невероятным бойцом он быть не мог. Впрочем, история знала примеры удивительных бойцовских поединков. Однажды, никому не известный завсегдатай питейных заведений пьяница Рокки избил в баре чемпиона мира по профессиональному боксу в тяжёлом весе. Этот поединок стал началом его блестящей боксёрской карьеры. Что ж, посмотрим.

Бои, проходившие в нашей роте, не ограничивались раундами или временем. Они длились до победы. Этот бой не был исключением. В таком бою было сложно тянуть время, надеясь на спасительный гонг, но «первый», почему-то, выбрал для своего поединка тактику, очень похожую на затягивание времени. Он кружил, избегая захватов и ударов, но в бою до победы одного из бойцов нельзя избегать прямого столкновения вечно.

Через пять минут стало заметно, что «девяносто девятый»

подустал, а «первый» всё ещё стоял на ногах, вместо того, чтобы валяться на настиле ринга. Мало того, он выглядел бодрее и свежее, чем его визави. Похоже, тактика «первого» начала приносить плоды. «Девяносто девятый», сообразив, чего добивается противник, сбавил темп и начал искать в обороне «первого» слабые места одиночными редкими ударами, одновременно восстанавливая напрасно растроченные силы. Я настроил себя на долгий позиционный бой, но оказалось, что «первый» за это время успел найти брешь в обороне «девяносто девятого». При очередном сближении он коротким, почти неуловимым движением, нанёс своему сопернику удар по печени. «Девяносто девятый» упал, хватая от адской боли ртом воздух. «Пятидесятый», бывший по совместительству ротным фельдшером, влез на ринг, чтобы осмотреть «девяносто девятого». Через минуту он взглянул на ротного. Встретившись с ротным взглядом, «пятидесятый» кивнул ему, давая понять, что с поверженным бойцом всё в порядке. Ещё через минуту «девяносто девятый» сумел подняться на ноги и теперь стоял по правую руку от ротного с потемневшим от боли лицом. По левую руку от ротного, опустив голову, чтобы хоть как-то спрятать довольную улыбку, стоял бывший Салабон.

– Победителем в этом бою объявляется ... – ротный замешкался и обратился к «первому», – ты, малец, себе новую кличку придумал?

– А что, хорошая кличка – «Малец». Выбирай её, даже не

думай! – выкрикнул кто-то из зрителей. Все засмеялись.

– Тишина! – грозно рявкнул ротный. – Я вам сейчас лично всем клички поменяю!

– Я хочу, чтобы в роте меня называли «Стах», – заявил «первый». По его лицу было видно, что он немного смущён, присваивая себе такое звучное имя.

– Победителем этого боя я объявляю Стаха! – громогласно заявил ротный, после чего добавил. – Завтра прыжки с парашютом! Участники поединка могут лечь спать на два часа раньше обычного. «Девяносто девятый» от прыжков с парашютом освобождается. Он может отдыхать весь следующий день.

Прыжки с парашютом мне нравились. Форма десантника тоже.

Глава вторая. Задание

Больше всего на свете я не любил стоять на «тумбочке» возле канцелярии. Мне не нравился этот пост не потому, что находясь на нём нужно отдавать честь проходившим мимо офицерам, вытягиваясь по стойке «смирно». Этого в нашей роте не было, ведь все были одеты в одинаковую форму без войсковых знаков отличия. Мы знали, что четыре последних номера являются офицерами, но руководствовались при этом правилами бани. В нашей роте, как в бане, честь офицерам не отдавали. Исключение составляло построение на плацу.

Обязанностью дневального было хранить ключ от оружейной комнаты, чтобы открывать оружейку по требованию любого солдата или офицера нашей роты, решившего пострелять. Так же в обязанность дневального входило соблюдение запрета на вынос оружия из казармы без разрешения ротного. Если вдруг кто-то из солдат решит выйти без дозвола командира с оружием во двор, обязанностью дневального было не допустить этого. С этой целью дневальный был вооружён до зубов и одет в бронежилет. «До зубов» подразумевало автомат «Абакан» АН-94 с прицелом 1П29, с четырьмя четырёхрядными магазинами на шестьдесят патронов каждый, пистолет ОЦ-33 «Пернач» с четырьмя обоймами ёмкостью в

двадцать семь патронов каждая, тактический нож Glock FM 81 и четыре метательных ножа «Оса».

Вот именно из-за такой экипировки, в которой дневальный вынужден проводить целые сутки, мне не нравился этот пост. Я бы с большим удовольствием чистил картошку, но еду нам привозили по договору из какого-то кафе. Всё же, в стоянии на «тумбочке» был положительный момент. Дело в том, что дневальный мог стать невольным обладателем секретов и тайн, ведь офицеры в канцелярии обычно не понижали голос, обсуждая их. Они знали, что всё тайное, попав в роту, в ней и останется.

Сегодня, когда личный состав, переодевшись в десантную форму, уехал на аэродром в МАЗах с унифицированными герметизированными кузовами, в расположении роты осталось только шесть человек: дежурный офицер с солдатом на КПП, «девяносто девятый» в казарме, я на «тумбочке» и ротный с заместителем в канцелярии.

«Деважносто девятый» дрых на своей кровати в конце спальни, а в канцелярии «сто четвёртый» и «сто третий» вели бурный разговор. Они обсуждали нюансы предстоящих совместных стратегических учений Вооружённых сил Республики Беларусь и Российской Федерации. Учения должны были пройти не только на территории Беларуси, но и в Смоленской области Российской Федерации. В частности, разговор шёл о секретной базе Российских вооружённых сил, расположенной недалеко от Смоленска. На этой базе велась раз-

работка новейшего сверхмощного лучевого оружия. Разработки были настолько секретны, что за пределами базы доступ к ним имели лишь Президент России и несколько человек из генералитета Российской армии.

Разговор в нашей канцелярии происходил весьма занятный, ведь ротный с заместителем обсуждали не учения, а способы и средства получения документов и схем засекреченных российских разработок этого лучевого оружия. Причём непосредственно с секретной базы. Я не мог не натопырить уши и был уверен, что если бы в этот момент на меня кто-нибудь взглянул, он увидел бы два маленьких локатора вместо ушей на моей голове.

Вскоре, сойдясь во мнении в вопросе тактики проникновения на объект, офицеры перешли к выбору кандидатур для выполнения задания. Я затаил дыхание. Давненько меня не посещало такое возбуждение, как сейчас и не мудрено, ведь любой из наших бойцов мог только мечтать о таком приключении. Но офицеры видимо вспомнили обо мне, так как в канцелярии наступило молчание. Я догадывался, что там происходит: они взяли карточки с нашими номерами и перебирали их, пытаясь прийти к общему знаменателю. Вскоре они сделали свой выбор и снова заговорили в голос, продолжая обсуждать план похищения секретных чертежей с секретной базы наших союзников. Может быть, кто-то посчитал бы такое похищение подлым и низким, но, как говаривал мой товарищ по техникумовскому общежитию Генка:

«У картишек нет братишек».

Вечером, на построении, ротный сообщил, что наша рота участвует в ССУ «Запад» в качестве десантной роты. В программе учений планировались не только тактика и стратегия боевых операций, но и командные соревнования в единоборствах. Бойцы нашей роты выступят в личных поединках против роты спецназа Псковской десантной дивизии, в связи с чем ротный настоятельно просил не ломать российских парней без надобности.

То, что участие роты в таких учениях являлось прикрытием какой-то секретной спецоперации, поняли все, но только я один знал о ней практически всё и теперь с нетерпением ждал, когда ротный назовёт номера счастливиц, но ротный, обрисовав общую задачу, распустил бойцов заниматься своими делами.

Через полчаса нас по одному стали вызывать в канцелярию для беседы. Такую тактику зачастую выбирали офицеры обычных войсковых подразделений, чтобы опросить стукача. Солдаты, благодаря этому опросу, понимали, что среди них завелась «крыса», но вычислить её не могли. Под подозрение попадали все вызванные для беседы солдаты, а из-за страха быть сданным доносчиком, повышалась дисциплина в подразделении, что не могло не радовать офицеров.

В нашей роте «опрос» проводился совсем по другим причинам. Вызывая в канцелярию десять-пятнадцать солдат в произвольном порядке, офицеры были уверены, что кон-

кретных исполнителей заданий никто не вычислит. Первым в канцелярию вызвали «первого». Последним вызвали меня.

Какие чувства испытывает человек, получив сложнейшее, опаснейшее секретное задание в глубоком тылу союзников, приказом командира в одно мгновение превращённых во врагов? Пусть вас не смущает слово «союзник». Поймав за попыткой раздобыть принадлежащие им секретные сведения, они не станут возиться с задержанным. Они закатают его за решётку на максимально доступный срок. И «решётка» эта будет не простая, а что-то типа зоны особого режима где-нибудь в болотах Мордовии. В болотах, где обычные комары достигают такой величины, что когда зажимаешь такого комара в кулаке, то с одной стороны кулака торчит комариная голова, а с другой комариные ноги.

Что должен чувствовать человек в свои двадцать семь лет, когда его пытаются засунуть в это гигантское комариное гнездо голым задом? Страх? Вовсе нет. Все сто человек, служивших вместе со мной в роте, испытывали страх всегда. Это страх не выполнить задание, страх показать себя хуже других, страх проиграть сражение. Мы спим и боимся. Боимся, что не сможем должным образом отреагировать на экстремальную ситуацию, боимся умереть раньше, чем успеем принести пользу своей команде. Боимся дать слабину при возникновении необходимости убивать тех, кто в обычной жизни мог бы стать другом. Боимся быть застуканными за высказыванием высокопарных слов, ведь все мы молчуны, за

которых должны говорить наши дела.

Я испытывал эйфорию. Страх я испытаю потом, во время выполнения задания. Этот страх поможет мне не попасться, ведь нет ничего хуже самоуверенности. А я был самоуверен. Самоуверен настолько, что считал себя гением, хотя дивизионный психолог, разговаривая со мной, утверждал, что я не гений, а придурок. Впрочем, все гении придурки. Главное, что я осознавал собственную самоуверенность и был способен с нею бороться. А вот напарник, выбранный мне командирами, вызывал у меня сомнения. Но и этот факт я превращал в плюс, ведь неуверенность в напарнике, – это дополнительный страх, заставляющий совершать добавочные расчёты, придумывать вспомогательные варианты и уделять внимание каждой мелочи, позволяющей применить все мои силы, все доступные резервы.

Нас на задании будет только двое. Если говорить по-простому, нам необходимо проникнуть на объект, изъять секретные документы и передать их. Кому? В этом и состоит вся красота нашей службы. В случае попадания в плен, никто из нас не сможет никого выдать. Командир дивизии? Да хрен его знает, к какой дивизии причисляется наша рота. Командир полка? Тот же ответ. Ротный? «Сто четвёртый». Сослуживцы? Лишь номера и клички. Где базируется рота? У чёрта на рогах! Нас в увольнение возили в Минск в закрытом милицейском уазике, причём каждый раз новым маршрутом. Из Минска забирали таким же образом. Никто из солдат не

знал месторасположения своей службы. Даже если бы кто-то из нас загорелся желанием сотрудничать с органами дознания, рассказать было просто нечего.

Мы десантируемся, переодеваемся в форму младших офицеров внутренних войск МВД РФ и проникаем на объект. Так кому мы должны передать добытые документы? Никому. Мы с напарником крадём документы и расстаёмся. Документы остаются у меня. Напарник исчезает, а я, если понадобится, буду жить обычной гражданской жизнью. Моя задача хранить документы как зеницу ока. Если будет необходимо – устроиться на работу, жениться, но ни в коем случае не пересекать с ними границу Беларуси. Командование само решит, когда и где забрать у меня пакет.

Мы сидели на своих кроватях, готовясь отойти ко сну, и болтали о пустяках.

– «Первый», а сколько у тебя прыжков с парашютом? – «восемьдесят третий» уже разделся и лежал, накрывшись второй простынёй. Его одеяло покоилось на тумбочке. Судя по устоявшейся жаре, востребованным одеяло будет ещё не скоро.

– А тебе какое дело?

– Глядя на то, как ты вёл себя сегодня во время прыжков, я пришёл к выводу, что ты ещё новичок. Парашют сам укладывал или под присмотром?

– Я и впрямь не пойму, какое тебе до меня дело? – «первый» оказался довольно ершистым парнем.

– Ты историю, приключившуюся с парашютом Гудвина, знаешь?

– Нет.

– У Пацана спроси, он расскажет.

С Гудвином, он же «семьдесят седьмой», приключилась весьма неприятная история. Однажды, самый молодой боец роты, складывал свой парашют под присмотром бывалого Гудвина. Укладка парашюта прошла без проблем и замечаний. Тогда молодой боец попросил разрешения сложить в качестве тренировки парашют Гудвина. Гудвин великодушно согласился, но вместо того, чтобы проконтролировать укладку, ушёл по своим делам. Во время очередных прыжков с парашютом, Гудвин вышел в воздух, но не полетел вниз, как рассчитывал, а остался болтаться под самолётом, ведь вытяжная верёвка для принудительного раскрытия парашюта оказалась прикреплена не только к вытяжному тросу, но и непосредственно к вытяжному парашюту. Болтаться под брюхом десантного самолёта, летящего со скоростью триста километров в час на полуторакилометровой высоте, удовольствие не самое приятное. Инструктор, второй пилот и два бойца, не успевших ещё десантироваться, попытались втянуть Гудвина обратно во чрево самолёта, но сопротивление воздуха сделало тело Гудвина неподъёмным. Если бы на месте Гудвина был новичок, он мог бы потерять сознание или впасть в панику и тогда пиши – пропало, но Гудвин был в сознании и смог сориентироваться в ситуации. Когда

инструктор жестом приказал бедолаге перерезать стропы основного парашюта, Гудвин достал из ножен, прикреплённых к ремню у него на плече, свой Glock FM 81 и одним взмахом острого лезвия отделил себя от самолёта. Он спустился на запасном парашюте. После приземления Гудвина пошатывало, но он всё же нашёл на поле новичка, укладывавшего его парашют. Те, кто знал, что парашют Гудвина складывал новый боец, думали, что фингал под глазом, это меньшее, чем наградит его Гудвин, но Гудвин только пожал ему руку и искренне поблагодарил за науку. Тем новичком был я.

Наконец на роту опустилась тишина. Я лежал с закрытыми глазами, размышляя не столько о предстоящем задании, сколько о своём напарнике. «Первый» был для меня тёмной лошадкой. Его победа над «девяносто девятым» ничего мне не говорила. Случись им сразиться ещё раз, определённо победил бы «девяносто девятый». Проведи они ещё хоть десять боёв подряд, во всех поединках «первый» оказался бы повержен. Его тактика была рассчитана только на один конкретный бой, а победа не характеризовала «первого», как отличного бойца. Так в чём его плюсы? Что такое знали о нём командиры, выбрав на невероятно сложное и опасное задание? А почему они выбрали меня?

Каждый из нас, попав в роту, проходил тест на IQ. Не знаю, сколько баллов в этом тесте набрали остальные парни, но свои сто тридцать два балла я не считал чем-то выдающимся. Ещё мы регулярно решали логические задачи раз-

ной степени сложности, но с результатами такого тестирования меня ни разу не ознакомили. Возможно, «первого» направили на это задание только потому, что в его черепушке хранился высшей степени интеллект, но у меня из высших степеней лишь стрельба и фехтование. К счастью, палить из пистолетов и скрещивать с врагом клинки, нам вряд ли придётся. А если «первый» интеллеktуал, то почему старшим группы командование назначило меня?

Я заснул. Всю ночь мне снилась война в Югославии, перевалочная американская база в хорватском городе Сплите, неприветливое апрельское Средиземное море и остров Брач в мощной оптике морского бинокля. В Сплит я пробирался пешком через Боснию и Герцоговину из венгерского города Печ, затарившись в нём всем необходимым. Цель моего перехода – убедить американских генералов в том, что им необходим такой снайпер, как я. На службу в Альянс я, естественно, не попал. Меня, приняв за чудака, не допустили ни к одному военачальнику, способному удовлетворить моё желание воевать. Неудачная попытка завербоваться в Альянс неожиданно для меня превратилась в плюс, ведь мой переход из Печа в Сплит убедил беларусские спецслужбы, что такой «путешественник» нужен им.

После всего увиденного по дороге, я был готов набить рожу любому, кто в моём присутствии скажет, что американские войска не имели права там находится. Так говорили глупцы, ничего не знавшие о войнах на почве религии, ведь

религиозные фанаты, воюющие по обе стороны фронта, всегда ведут войну до полного уничтожения противника. Война в Югославии носила самую отвратительную религиозно-этническую форму и была самой кровопролитной войной после Второй мировой войны. Если бы не вмешательство Альянса и ООН, спланировавших операцию «Обдуманная сила», многие регионы бывшей Югославии могли бы со временем превратиться в пустыню. Десять лет сотрясали Югославию внутренние конфликты, а сегодня глупцы твердят, что Югославию развалили американцы. Им, якобы, не нужна была эта сильная и процветающая страна. Глупцам было невдомёк, что ещё задолго до первого вооружённого конфликта, произошедшего в 1991 году, ростки раздора проявлялись в том, что на религиозно-этнических границах внутри государства всегда меняли переводчиков, сопровождавших иностранных туристов. Мой переход из Печа в Сплит состоялся за два года до окончания боевых действий на истерзанной земле Югославии. Было мне тогда двадцать лет.

Глава третья. Десант

Рота готовилась отбыть из расположения в полном составе. Такое на моей памяти случалось только однажды. Когда это произошло, у меня возник вопрос: «А кто же охраняет территорию во время нашего отсутствия?». Я строил догадки, и они были одна мудрее другой. В конце концов, я пришёл к выводу, что вокруг нашей роты расположено подразделение внутренних войск, которое нас охраняло. Вполне вероятно, срочники, проходившие службу в этой части считали, что действительно охраняют зону с осужденными. По сути, так оно и было. Мы все здесь были осуждены на безымянный подвиг. На подвиг без наград и чествований.

В этот раз я не тратил время, пытаюсь разгадать ребус с охраной территории, принадлежавшей нашей роты. Вот если бы нашу казарму охранял Ламассу, я бы с удовольствием посмотрел на это мифическое охранное божество с телом быка, крыльями орла и головой человека. Мне всегда было любопытно, чем может отбиваться от злоумышленников существо, имеющее тело быка, но с полным отсутствием его рогов, обладающее крыльями орла, но не имеющее мощного клюва и острых когтей. Всё, на что такое создание способно, – это топтать ногами, хлопать подобно курице крыльями и ругаться матом. На мой взгляд, от злого полуметрового

шлемоносного казуара было бы больше пользы, чем от Ламассу. Думаю, если бы жители Месопотамии знали о казуаре, они бы ни за что не стали выдумывать себе такое нелепое охранное существо, как Ламассу.

После завтрака мы в полной экипировке построились на плацу. У ног каждого солдата, одетого в форму десантника, лежали парашют и вещмешок. Ротный, прежде чем отдать команду «по машинам» не поленился встряхнуть каждый рюкзак.

Наконец мы расселись по «КУНГам». Забравшись в «КУНГ», я положил рюкзак и парашют на полку, расположенную под крышей «КУНГа», а сам уселся на своё место, зажав автомат между колен. Слева от меня у самых дверей уселся ротный, а справа «первый». Ротный надел наушники с микрофоном. Он подключил их к радиостанции, стоявшей под скамейкой, и делал вид, что разговаривает с кем-то. На самом деле он проводил со мной последний инструктаж. Я и так всё знал наизусть, но ротный считал своим долгом сконцентрировать моё внимание на отдельных моментах.

– Про автоматы не беспокойся, малец. Оставьте их там, где будет лежать российская офицерская форма и пистолеты. Бронники и ножи тоже там оставите. Парашюты, а так же свою одежду закопаете. – Он сделал длинную паузу, как будто прислушивался к голосу, звучащему в наушниках, а затем продолжил. – За «первым» смотри, чтобы на рожон не лез. Горячий он ещё.

«Зачем посылать «горячего» на такое ответственное задание? Остудили бы сначала хорошенько», – подумал я, погружаясь под слова ротного в сладкую дрёму.

На аэродроме царила суета. Несколько десантных рот грузились в ИЛы -76МД, но мы направились напрямик к простому ИЛ-76. Ротный уверенно лавировал между контейнеров, БээМДэшек, а мы, как привязанные, шли за ним. Вот и наш самолёт. Эта модель военно-транспортного самолёта могла вмещать до ста сорока пяти десантников, но кроме нас в нём никого не будет.

Прыгать придётся не в рампу, как обычно, а в два потока через боковые двери с интервалом в три секунды. Мы с «первым» прыгаем в середине.

Я снова начал дремать. Сквозь дрёму я слышал, как через некоторое время наш ИЛ вырулил на взлётную полосу, взлетел, затем круто накренившись на правый борт, повернул на Смоленск. Мерное гудение четырёхмоторного могучего красавца убаюкивало, а удобное, рассчитанное на дальние перелёты, откидное сиденье ещё больше располагало ко сну. Мне этот самолёт нравился больше, чем АН-12, с которого я десантировался только однажды. Во-первых, ИЛ-76 турбореактивный, прямое расстояние от аэродрома под Минском, до места высадки за Смоленском преодолет минут за двадцать, так что и подремать толком не успеешь, во-вторых, у этого самолёта герметична не только кабина пилотов, но и

грузовой отсек, где в данный момент сидели мы. В случае разгерметизации, все мы могли оставаться спокойными, так как каждое кресло было снабжено маской с кислородным питанием.

Единственное, к чему я не в состоянии привыкнуть в ИЛ-76, это сирена. Короткая сирена, означавшая «приготовитесь», способна разбудить даже тех, кто спит мертвецким сном. С ней ещё можно было смириться, она рывкает и смолкает. А вот сирена «пошёл», ревушая до тех пор, пока последний десантник не шагнёт за порог, просто вынимала мне душу. Как только последний боец нашей роты обопрётся на небо своим парашютом «арбалет-2», сирена в самолёте стихнет. Шагнув из самолёта на высоте тысяча-тысяча двести метров с парашютом «арбалет-2» легко можно пролететь больше десяти километров. Именно это нам с «первым» предстоит сделать. Пока рота будет кружить и петлять в воздухе, демонстрируя своё умение управлять парашютом, мы с «первым» должны по волнистой линии сместиться немного в сторону от основной группы.

Над боковыми дверями загорелись жёлтые фонари, подсказывая солдатам, через какие двери им идти на выход. Для тех, кто задремал и не заметил фонарей, коротко рывкнула сирена. Ещё через несколько секунд, под аккомпанемент сумасшедшей, истошно орущей сирены, загорелись зелёные фонари и бойцы устремились к выходу. Когда пришла моя очередь, я, обняв небо руками, шагнул наружу. Через секун-

ду мощный шлепок воздушного потока, идущего от самолёта, наподдал мне в спину. Я начал маневрирование, стараясь отлететь от «первого» подальше. Чем больше будет расстояние между нами, тем больше шансов, что наши парашюты не помешают друг другу при раскрытии. Планируя в сторону от самолёта, я не переставал отсчитывать секунды до открытия парашюта. 507... 506... 505... 504...

Полёт с маленьким стабилизирующим вытяжным парашютом это нечто! Такое ощущение, словно гигантский невидимый пёс схватил меня за шиворот и что есть мочи трепал в воздухе. А вот во время раскрытия основного парашюта, когда скорость падения начинала стремительно замедляться, мне всегда казалось, что я соскальзываю в бездонную пропасть. Только сегодня что-то пошло не так. Вроде те же ощущения и переживания, но какие-то смазанные, неяркие, словно в голове появилась вата, в которой ощущения завязнув, исчезли, не успев проявиться в полную силу.

Когда над головой неслышным хлопком, передавшимся лёгким толчком от купола по стропам к телу, окончательно раскрылся бело-голубой купол парашюта, я опустил глаза к земле, чтобы сориентировавшись на карте земли определить место своей посадки. Внизу не было ни одного знакомого ориентира. Карту местности я помнил наизусть. Она должна была полностью совпасть с картой земли, расстилавшейся подо мной. Но не совпадала. Под моими ногами раскинулась совершенно другая местность. На этой местности не было

клеток полей, коробок строений и линий дорог. Я лихорадочно шарил по ней взглядом, но не видел ничего, что можно было бы отнести к проявлению деятельности человека. Только сейчас я сообразил, что не видел ещё одной немаловажной детали – подо мной не было ни одного парашютного купола. Ни одного. Я осмотрелся. Справа от меня скользил на «крыле» одинокий парашютист. Всмотревшись, я понял, что это был мой напарник. Больше не было никого. Ни под нами, ни рядом с нами, ни над нами. Не было самолёта, из которого несколько секунд назад я сделал шаг в небо, не было других самолётов, заходивших на точку выхода десанта.

Земля неумолимо надвигалась, а я так и не принял решение, в какое место открывшегося незнакомого пейзажа мне приземлиться. Я ещё раз осмотрел чужие просторы. Вот довольно большой и ровный луг, готовый принять нас с напарником. Я жестами привлёк внимание «первого» и указал ему место приземления. В ответ «первый» показал, что отказывается приземляться в указанном мной месте и ткнул рукой в другом направлении. Место, куда «первый» предлагал мне спуститься, оказалось небольшой полянкой посреди густого высокого леса. При посадке на неё легко было зацепиться за ветки деревьев, поэтому я упрямо указал «первому» садиться на луг. Но «первый», проигнорировав моё указание, заложил дугу, направляя своё падение на поляну.

«Вот же строптивый осёл!» – мысленно обругал я «первого», вырубивая свой парашют вслед за ним. Я постарался за-

медлить своё падение, чтобы не столкнуться с «первым» над поляной и вместе с тем проследить за его приземлением. Конечно же, он зацепился за ветки и повис высоко над землёй раскачиваясь, но, не делая попыток отцепиться. Я был зол. Зол на начальство и напарника, ведь я до сих пор не увидел в нём ни одной способности, заслуживающей уважения. Что нашли в «первом» мои командиры? Ну что?

Я учёл его ошибку и, зацепив верхушку дерева лодыжками, влетел в пространство полянки. «Арбалет-2» – парашют удивительной манёвренности в опытных руках. Я не считал себя парашютистом-профессионалом, но даже моего умения хватило, чтобы аккуратно маневрировать в границах, очерченных мне деревьями и не зацепиться за ветки. Вот и земля. Теперь нужно было снять с дерева «первого», устроить ему нахлобучку за не выполнение моего указания, а затем, всеми доступными средствами определить, где мы находимся.

Я обвязал толстенный ствол дерева, на котором висел «первый» стропами своего парашюта на уровне груди, потом натянул парашют что есть мочи, создавая под «первым» нечто подобное на гамак. Первый висел очень высоко. Прыгать прямо на землю, обрезав стропы, было весьма рискованно. Свободный полёт с такой высоты мог закончиться переломом ноги.

– Режь стропы над правым плечом! – крикнул я «первому». Я надеялся, что в этом случае он соскользнёт с дерева вместе с парашютом и нам не придётся за ним лезть.

– Ты не удержишь! Потянешь кисти! Стропы завяжи повыше, а конец парашюта закрепи к земле кольями. И не торопись, я повишу!

Предложение дельное. Я достал нож и быстро вырезал два крепких колышка. Перевязав стропы на дереве как можно выше, я натянул парашют и пригвоздил его к земле кольями, забив их автоматом. «Первый» тут же принялся пружинить вверх-вниз, надеясь обломать ветки.

– Стропы режь! Дубовые ветки так просто не ломаешь!

– Во-первых, это не совсем дуб! Во-вторых, я всё же попробую! – крикнул в ответ «первый».

Я внимательно посмотрел на дерево. Это действительно был не совсем дуб, хотя я с самого начала был уверен, что не ошибся. Дерево было очень похоже на дуб, но всё же принадлежало совершенно к другому, незнакомому мне виду. Я осмотрелся. Вот акация, а это пальма какая-то, а вот ещё несколько «дубов» только поменьше. А вон клён молодой и несколько сосен. Все деревья вполне узнаваемы, но всё же было в их облике нечто необычное, странное. Деревья, растущие по границе поляны, вызывали у меня дрожь в теле своей неузнаваемой узнаваемостью. Нечто похожее я уже видел ранее, но такие деревья просто не могли расти в Смоленской области. Куда за столь короткое время умудрился закинуть нас ИЛ-76 из Минска? Под Брест? Варшаву? Или ещё куда-то? Мы должны были находиться не дальше, чем триста километров от Минска. Значит, такую растительность мож-

но встретить только в каком-нибудь ботаническом саду, а не среди вольно растущей природы. Но с неба я не видел ничего сделанного руками человека.

В этот момент «первый» оторвался от дерева. Он рухнул вниз вместе с парашютом и сломанными ветками. Оба парашюта, один над головой, а другой под ногами в значительной степени смягчили его падение.

– А что это за дерево? – честно сказать, меня с первого взгляда смутила высота этого «дуба», но мало ли что.

– Родственник дуба. Можешь называть его реликтовым дубом. Здесь, между прочим, все деревья, что я успел рассмотреть, реликтовые. Это реликтовый лес.

Как можно сообщать человеку такие странные вещи и в то же время так буднично складывать парашют?

– Да брось ты эту тряпку и растолкуй мне всё, что ты знаешь!

– Растолкую, но позже. Солнце перевалило на вторую половину дня, значит, скоро вечер, а за ним ночь. Ты можешь ответить мне, какие звери бродят здесь в ночи?

– Я не боюсь зверей. У нас есть по огниву, сухой спирт, а лес полон дров. Кого ты боишься?

– Прислушайся.

Я замолчал. Было тихо. Вдруг, где-то далеко-далеко раздался трубный зов какого-то могучего исполина. Я похолодел от этого далёкого заунывного и тоскливого звука:

– Слон?

– Не думаю. Слон трубит иначе. Допустим, это слон. Представь тогда остальных зверей, что бродят вокруг.

Я представил. Мне уже не терпелось забраться туда, откуда только что спустился «первый». Я не боялся львов. Не боялся леопардов. С моим оружием и боезапасом я мог сразиться с целым львиным прайдом. Но в местности, где живут слоны и львы, бродят под покровом ночи незаметные существа с длинными пустотелыми палками и плюются шипами акаций, смоченными растительным нервнопаралитическим ядом. У меня не было никакого желания сидеть у костра и ждать, когда из темноты прилетит в спину ядовитая колючка.

Я вытащил нож. Обрезав стропы своего парашюта, я начал связывать их в длинную верёвку. «Первый» последовал моему примеру. Когда верёвка подходящей длины была готова, я, смотал в клубки ещё несколько строп и отдал их «первому». Затем, открыв свой рюкзак, достал оттуда приспособления для лазания по деревьям. Пара таких приспособлений пристёгивалась к ботинкам. Каждое приспособление имело шесть острых шипов, расположенных под углом в сорок пять градусов к горизонтали. Три таких шипа оказывались на носке ботинка, а ещё три – с внутренней части стопы. Вторая пара приспособлений надевалась на руки в виде перчаток без пальцев, где на ладонях имелись три плоских крюка. При сжатии пальцев в кулак, они проходили между пальцев, создавая серьёзную опасность для противника во время рукопашного боя.

– Жди. Не забывай стропы привязывать, если верёвка будет коротка, – я подошёл к дереву и осторожно полез вверх.

Верхушка «дуба» когда-то была обломана. Теперь она расходилась шестью толстыми ветками в разные стороны, а значит, растянув на них парашют, можно было получить большой и удобный гамак. Мы начали подъём снаряжения. Я забрался на выступающую над поляной ветку, расположенную чуть ниже верхушки и мы закольцевали верёвку из строп. Такое приспособление позволяло совершать подъём наших пожитков, не тратя времени на спуск конца верёвки вниз. «Первый» делал небольшую петлю на стропе, затем привязывал к ней что-нибудь из вещей. Когда рюкзаки и парашюты были подняты и закреплены на ветках, «первый» влез по стропам на дерево. Я дал ему отдышаться минуту, после чего мы приступили к обустройству нашего временного жилища.

Мы растянули один парашют, как я и предполагал, в виде гамака, а второй закрепили над ним как навес. После этого наши роли разделились. Я нарезал из ненужных строп короткие шнурки, а «первый», прокалывая края обоих парашютов ножом, старательно сшивал их между собой. В результате у нас получилось некое подобие гигантской ракушки с небольшим, также зашнуровывающимся лазом внутрь. Один из запасных парашютов мы растянули на ветках значительно выше нашего «домика» в виде односкатной крыши. Забросив в наш «домик» пожитки, мы уселись на толстую ветку неподалёку. Дерево, на котором мы обустроились, было не

самым высоким в округе, но всё равно его высота впечатляла. Созерцая открывающуюся взору зелёную бесконечность, я ёжился от лёгкого холодка страха, бегающего у меня под гимнастёркой и холодный автомат, висевший на моей груди, как ни странно, согревал мне душу. «Первый» же выглядел озадаченным, но не растерянным.

– Рассказывай, – обратился я к напарнику, чтобы хоть как-то отвлечься от этой противной мелкой дрожи.

– Что рассказывать?

– Всё, что думаешь обо всём этом. По всему видно, что ты знаешь о происходящем чуть больше меня.

– О чём-то знаю, о чём-то только догадываюсь.

– Вот и рассказывай обо всём, что знаешь и о чём догадываешься.

– Ладно. Начну по порядку. Я уверен, что ты изрядно психанул, когда я завернул нашу посадку на эту поляну. Психанул?

– Ты сам не разозлился бы?

– Там, где ты собирался нас приземлить – болото. Я их повидал и не мог ошибиться. Приземлившись в том месте, мы могли бы остаться в нём навсегда. – Он улыбнулся, глядя на моё оторопевшее лицо, и продолжил:

– Это тебе то, о чём я знаю наверняка. А теперь о догадках. Когда мы с тобой шагнули из самолёта и начали расходиться, я заметил лёгкую зыбь в воздухе рядом с тобой. Она имела форму шара примерно семь-восемь метров в диамет-

ре. Перемещалась зыбь по той же траектории и с такой же скоростью, что и ты. Ты был её целью. Я автоматически пошёл на сближение с тобой, хотя понимал, что не в состоянии предотвратить угрозу, если такова присутствовала. Видимо, я попал в зону действия этой сферы, в результате чего оказался, как и ты, в этом месте. Если бы не моё любопытство, куковал бы ты на этой ветке в одиночестве. Но скорей всего медленно опускался бы на дно того болота.

– Ну и где мы? В Африке? В Азии? Куда забросила нас эта шарообразная зыбь?

– Не знаю. Клянусь мамой, не знаю. Какие-то предположения есть, но без серьёзных подтверждений высказывать их сейчас было бы, по меньшей мере, глупо. Завтра прошвырнёмся на запад, посмотрим что там. Еду поищем.

– Почему на запад?

– А ты осмотришь.

Я осмотрелся. С севера сквозь ветви деревьев виднелось болото, значит туда нам путь заказан. На восток и юг докуда хватало глаз, тянулся густой, труднопроходимый лес. Только на западе вдалеке виднелись невысокие горы, но лес заканчивался намного ближе, и с нашей ветки была видна за деревьями холмистая равнина.

На разговоры меня больше не тянуло. Мы сидели на дереве, глядя перед собой и молчали. Багряное солнце медленно уходило за верхушки деревьев. На душе у меня была неопишуемая тоска. Дикое состояние, вызванное полным от-

сутствием понимания происходящего с нами. Мне казалось, что мы совершенно одни на нашей планете, словно все люди разом взяли и исчезли. Испарились. Распались на атомы и умчались в космос в сторону какого-нибудь далёкого, неизвестного мне созвездия.

Я украдкой посмотрел на «первого». Он смотрел прямо перед собой, но у меня создалось впечатление, что пейзажа, раскинутого перед его взором, он не видел, настолько ушёл в себя. Похоже, грусть его грызла не меньше чем меня. Мне даже показалось, что он вот-вот заплачет.

В этот момент над нашими головами проплыл дельтаплан. Странный дельтаплан диковинной формы. Он появился из-за наших спин. Накренив большие чёрные крылья, снижаясь по широкой дуге, дельтаплан скрылся за деревьями в сторону болота. На душе у меня повеселело. Я ничуть не расстроился, из-за того, что мы, не среагировали на его появление, не подали дельтапланеристу никаких знаков, ведь лучшего знака, чем наш домик на дереве, белевший огромным пятном на зелёном фоне деревьев, быть не могло. Завтра надо ждать помощь, ведь сегодня, на ночь глядя, никто спасти нас по этому лесу не пойдёт. Выходит, ошибся с болотом «первый». Поле это. Где-то на краю леса, скрытое деревьями или кустарником, имелось человеческое жилище, потому что в противном случае я бы обязательно заметил его при десантировании.

«Первый» молчал, хотя не заметить дельтаплан он не мог.

Я взглянул на него. Он всё так же смотрел перед собой невидящим взором, а по его щеке, обращённой ко мне, бежала крупная одиночная слеза. Эта слеза прожгла большую чёрную червоточину в моих светлых и радостных мыслях. Только сейчас мне пришло в голову, что паря на своём «арбалете» высоко в небе, я не видел на том поле никаких дорог, соединяющих придуманный мной домик с цивилизацией. Возвышенностей, откуда можно было бы стартовать с дельтапланом, я тоже не видел. «Первый» прав. Там, на севере, куда полетел дельтаплан, находилось болото, а значит, самому дельтапланеристу нужна будет помощь. Придётся менять план и идти на север, в надежде, что дельтапланерист жив, а мы сможем до него добраться. Правда, меня по-прежнему смущала форма дельтаплана.

– Это какую большую фантазию нужно иметь, чтобы сделать дельтаплан в виде гигантского птеродактиля, – произнёс я, чтобы отвлечь «первого» от грустных мыслей.

– Ты, значит, увидел подвесное оборудование с дельтапланеристом под крыльями? – ответил мне «первый», судорожно вздохнув. По его щеке побежала вторая слеза, быстро догнала первую по проторенной ею дорожке, слилась с ней, повиснув сбоку на подбородке.

А ведь он прав! Дельтапланериста под чёрными матовыми крыльями не было. Червоточина, минуту назад испоганившая мою надежду на скорое спасение, внезапно превратилась в чёрный липкий страх. Он схватил мой мозг кост-

лявыми пальцами, сжал его, вытеснив из головы все мысли, кроме одной. Эта мысль затрепетала в беспощадных пальцах страха, забила о них, как птица о прутья клетки, отдаваясь рефреном в позвоночнике. А по позвоночнику, словно на зов этой мысли, поползли, уже не скрываясь, вверх к затылку противные и холодные мурашки надвигающегося ужаса. Мысль билась, звала их, а я застыл, сжав зубы, зацепился за неё сознанием и ждал. «Птеродактиль... птеродактиль... птеродактиль... птеродактиль...», – стучало в моей голове. Я очень надеялся, что пульсация этой мысли будет продолжаться до тех пор, пока я не возьму себя в руки. А сейчас мне хотелось кричать, орать, забиться куда-нибудь, но только не в созданную своими руками ракушку-парашют, потому как эта ракушка была огромным, белым, ненормальным для этого мира и поэтому притягивающим внимание пятном.

Глава четвёртая. Верхний Мел

– Ты думаешь, нас забросили в какой-нибудь заповедник типа «Парк Юрского Периода»? Это эксперимент какой-то? – мы лежали в нашей «ракушке» с автоматами в руках.

Снаружи наступила ночь. Мы долго сидели на своей ветке молча, думая каждый о своём, до тех пор, пока не стемнело. С приходом темноты над головой стали то и дело проноситься неясные беззвучные тени, к счастью не такие крупные, как первый увиденный нами птеродактиль. Именно появление этих теней заставило нас забраться в нашу обитель. Первое время мы молчали, но вскоре это молчание в крошечной тьме стало для меня невыносимым.

– Может это всё-таки Африка? Я читал, что там существуют «белые пятна» где исследователи-европейцы нет-нет да встречаются птеродактилей. Рамфариксов, например, – продолжил я.

– Рамфоринхов. Нет, это не Африка. Это Верхний Мел. Регион не знаю. Надеюсь, что не американские континенты.

– Меловой период? Обалдеть! Ты считаешь, что сейчас на Земле кроме нас людей нет? А с чего ты взял, что это Меловой период? И почему верхний?

– Я ведь собирался в археологический поступать. Мечтал

стать палеонтологом. Фанател на этом. Статьи и книги поглощал стеллажами. Эпоха динозавров – мой конёк. Полагаю, что это Кампанский Ярус Мелового периода. С тех пор как деревья вблизи увидел, мысль эта из головы не выходит. И птерозавр этот.

– Слушай, ну он и здоровый этот птеродактиль! Я реально решил, что это дельтаплан.

– У тебя все летающие ящеры называются птеродактилями? Вообще-то общее для них название – птерозавр. Птерозавры они. А рамфоринхи и птеродактили – это подотряды птерозавров. Тот, что мы сегодня увидели, ещё не самый большой. Учёными найдены ископаемые экземпляры значительно крупнее. Были такие, что стоя на земле, достигали в высоту шесть метров и выше. И учти, что науке ещё не все известны. Как знать, может нам предстоит встретить реально гигантов.

– А тираннозавры в высоту сколько были?

– Четыре метра до бедра. Но ты о них не особо беспокойся, они в Северной Америке обитали. Чего тут гадать. Завтра всё сами увидим.

– Ты считаешь, что есть смысл выходить на равнину?

– Наша цель не равнина. Мы пойдём в горы, ведь нам позарез нужно надёжное убежище. Небольшая пещера с хорошей смотровой площадкой. Но об этом завтра. Ты есть не хочешь?

Только после вопроса о еде, я почувствовал, что голо-

ден. Мы зажгли фонарик, установив на нём красный фильтр. Уверенности, что именно красный свет не привлечёт к нам незваных гостей, у нас не было, но мы решили поэкспериментировать со световыми фильтрами. Красный цвет, как цвет опасности, стал в нашем эксперименте первым. Жилище из парашютов, освещённое красным фонарём, смотрелось фантастично, но не жевать же сухпай в полной темноте. Мы достали по банке консервированного мятая и одну на двоих пачку галет. На десерт был бисквит. Его мы так же поделили пополам. Чай не пили, оставив пакетики на утро, просто хлебнули воды из фляжек и легли спать, прижавшись друг к другу спиной. Надо сказать, что на красный свет так никто и не явился, хотя, я уверен, что наш светящийся домик был виден на много километров.

Я долго лежал без сна, прислушиваясь к шорохам снаружи нашего «домика на дереве». Для меня, человека, выросшего в техногенной среде, природные звуки, не поддающиеся определению, были тревожными и даже пугающими. Тем более в лесу Мелового периода. Впрочем, когда лежишь без сна, то и пятнадцать минут могут показаться вечностью. В какой-то момент сон всё же нашёл меня, а когда я открыл глаза, то увидел, что «первый» не спал. Он лежал на животе, высунув голову наружу. Я подполз к нему и осторожно пристроился рядом.

Солнце ещё не выглянуло из-за деревьев, но уже было довольно светло. «Первый» поднёс палец к губам, после чего

указал мне на что-то, что должно быть непосредственно перед нами. Я же ничего не видел. Только я решил сказать об этом «первому», как заметил лёгкое шевеление буквально в трёх метрах от себя. Наконец-то, я смог различить то, на что указывал мне напарник. Как можно было сразу не рассмотреть такое? Все ветки вокруг нас были усеяны пёстрыми коричнево-зелёными птицами. Они были величиной с дрозда и довольно странного вида. Я закрыл на несколько секунд глаза, чтобы они расфокусировались и были способны смотреть на предмет, так сказать, новым взглядом. Когда я открыл их, птицы мгновенно превратились в маленьких, меньше голубя, птерозавров. Они усыпали ветки нашего дерева и сидели, изредка шевелясь, головами на север. Они явно чего-то ждали. Ну что ж подождём и мы.

Солнце, наконец, выползло из-за леса и бросило свои лучи на верхушки деревьев и болото. Вскоре со стороны болота, делая взмахи тяжёлыми крыльями, поднялся «дельтаплан» и пролетел над нами в сторону долины и гор. Не успел он миновать наше жилище, как стайка мелких птерозавров, оккупировавшая ветки нашего дерева, взмыла, словно по команде, в воздух и устремилась к болоту.

– Это они ждали, пока большун улетит, чтобы не быть съеденными, когда будут на болоте насекомых ловить? – я высказал своё предположение.

– Нет. Они, скорей всего полетели разорять его гнездо. Для «большуна» они не добыча. Они мелкие и шустрые. Не

по зубам ему. А вот птенцы гиганта для этой стаи воздушных пираний окажутся по вкусу. У них пасть похожа на клюв дубоноса, а значит, укусы должны быть сильными. Жаль, что не могу определить их название, ведь скелетов таких мелких птерозавров до нашего времени не сохранилось.

Мы позавтракали чаем с бисквитом, разогрев химическим нагревателем воду и растворив в ней пару пакетиков с заваркой. Затем стали собираться в путь.

Идти решили налегке. Пожитки, включая бронежилеты, мы оставили в «домике», тщательно зашнуровав вход. С собой взяли автоматы, по два запасных магазина, фляжки с водой, фильтр для воды, дающий возможность пить прямо из лужи, четыре питательных батончика, ножи и ультразвуковой отпугиватель собак. Спустившись с дерева, справили нужду посередине поляны, по очереди сторожа друг друга на случай внезапного появления опасности. Затем, сверившись с компасом, двинулись в путь. Первым шёл «первый», я же, прикрутив к шлему зеркальце заднего вида, прикрывал ему спину. Шли долго, хотя расстояние до равнины было не таким уж и большим. Причина задержки была простая – в лесу Мелового периода, хоть верхнего, хоть нижнего, идти лучше всего с максимальной осторожностью, даже если за всё время пути вам никто не встретился.

Наконец мы вышли из лесу и остановились на краю открытого пространства. Перед нами раскинулась довольно обширная равнина, покрытая пологими холмами, заросши-

ми густой высокой цветущей травой.

– Осталось самое трудное – пройти равнину и не попасться на обед велоцерапторам, – тихо произнёс я, не сводя с травы взгляда, при этом надеясь, что смогу отличить, когда она колышется под дуновением ветра, а когда движима крадущимся хищником.

– Ты явно пересмотрел фантастики в своё время. Неужели ты думаешь, что велоцерапторы и впрямь сидят сейчас в этой траве и ждут, когда из антропоцена в мел перенесутся два человека и попрутся прямо к ним в пасть?

– Ты думаешь, что их там нет?

– Почти уверен. Это в «Парке юрского периода» они были поставлены людьми в условия, где на сравнительно небольшом участке суши были вынуждены выживать в плотном контакте с другими хищниками, ограничивающими их зону обитания. Сейчас Верхний Мел. Период, когда протекало активное вымирание динозавров. Я надеюсь, что мы вообще не встретим ни одной зверюги, способной лишить нас жизни. К тому же, Спилберг в своём фильме зачем-то увеличил велоцераптора в несколько раз. На самом деле велоцераптор был ростом не выше семидесяти сантиметров.

– Здорово. Одной опасностью меньше.

– Я бы сказал, что больше, а не меньше – в голосе «первого» появились весёлые нотки.

– Объясни, – попросил я.

– Если велоцераптора в фильме увеличили, то дилофозав-

ра уменьшили. Если помнишь, плащеносный такой красавчик, который ядом плевался. На деле четыреста килограммов весил.

– Не маленьким был парнишка, – поёжился я от неприятных мыслей, вызванных рассказом «первого».

– К счастью, жил он намного раньше Верхнего Мела, но кто знает, может и сохранились ещё. Не понимаю, зачем Спилберг допустил с динозаврами такие вольности. Общипанный дейноних, сыгравший в фильме велоцератора, великолепно смотрелся бы, оставшись самим собой.

– Почему «общипанный»?

– Дейноних был частично оперён. В одном из фильмов «Парка» он всё-таки появляется во всей красе.

– Нет ни какого желания встречаться ни с кем из них. Честно.

– Может быть и не встретимся. Если серьёзно, почти все динозавры из «Парка» жили в разные периоды. А эта троица уж точно не жила в Кампанском ярусе Верхнего Мела.

– Тогда вперёд? – я почувствовал себя бодрее и увереннее.

– Да подожди ты. Сначала пройдем вдоль леса и найдём самое высокое дерево. Я видел его с нашей ветки. По моим расчётам метров пятьсот вправо. Залезем и осмотримся. Наметим путь, затем вернёмся к себе, а завтра чуть свет двинем к горам. Придём туда, скорее всего, ближе к ночи. Ночевать там придётся, думаю, под открытым небом, ведь искать пещеру времени у нас уже не будет.

– Почему ты сразу не вывел нас к дереву?

– Потому, что выбирал нам путь с максимально большим обзором местности. Или ты хотел, чтобы на тебя кто-нибудь из кустов выскочил? – «первый» был предельно серьёзен, но его ответ вызвал у меня улыбку.

– Нет уж, не надо. Двинем к дереву?

На дерево, лишь слегка уступавшее в размерах тому, на котором находилось наше жилище, мы забрались вдвоём. Устроились на толстых ветках поудобней, затем сквозь прицелы автоматов начали осмотр далёких гор. Долго обсуждали к какой точке горного подножия выходить, а когда пришли к единому мнению, начали прорабатывать маршрут движения. Он получался у нас довольно извилистый, ведь проложили мы его через вершины самых высоких холмов, чтобы с них, видя перед собой скрытую досель холмами местность, проводить рекогносцировку.

Мы провели на дереве около часа, дотошно обсуждая все нюансы предстоящего путешествия. Наконец, посчитав, что предусмотрели всё, мы начали спуск вниз. Когда до земли оставалось метров пять, «первый», контролировавший сверху моё продвижение среди веток, подал мне знак замереть. Я замер. «Первый», стараясь не совершать резких движений, закрепился на ветке и снял автомат. Я осторожно повернул голову, чтобы посмотреть вниз. Из густой высокой травы, покрывавшей равнину, в направлении дерева вереницей шли крысы. Огромные крысы. Впереди шла крупная особь раз-

мером со здорового питбуля, а за ней хвост в хвост, с десятков крыс поменьше. Я вытащил из ножен нож и показал его «первому». «Первый» всё понял и в знак согласия кивнул головой.

Я бесшумно спустился на последнюю ветку, и, обхватив её ногами, улёгся на живот. Крысы приближались. Они должны пройти от меня в метрах десяти. Этого расстояния должно быть предостаточно, чтобы броском ножа убить толстого вожака. По мере их приближения я всё больше и больше понимал, что на крыс животные похожи весьма отдалённо. Хвост у них был голым и длинным как у крыс, а в остальном – копия капибары. Когда до дерева оставалось метров пятнадцать, крысиный вожак изменил направление движения, направившись к нашему дереву. Подойдя к дереву, всё крысино-капибарное семейство улеглось на траву прямо подо мной. Видимо, у них наступила послеобеденная сиеста, что давало мне повод выбрать жертву не спеша.

Убивать вожака я уже передумал. Наверняка он самый старый из всех, поэтому его мясо может оказаться и самым жёстким. С учётом отсутствия холодильника и соли, сделать запас мяса длительного хранения у нас не получится, значит, выбирать нужно молодую, не очень крупную особь.

Выбрав жертву, я метнул нож и молодой крысиный капибарчик забился в судорогах. Стая вскочила, но почему-то не бросилась наутёк, а стала обнюхивать мёртвого собрата. Я решил их спугнуть. Вложив два пальца правой руки в рот,

я оглушительно свистнул. Стая подскочила от неожиданности, но, как ни странно, осталась на месте. Мало того, животные задрали головы вверх. Увидев меня, они громко и воинственно зашипели.

«Первый», уже не скрываясь, спустился на мою ветку. «Капибары» сгрудились в кучу. Встав на задние лапы, они старательно к нам принюхивались.

– Что будем делать? – спросил я напарника.

– Надо было грохнуть вожака.

– Я решил, что у него будет жёсткое мясо.

– Резонно, – «первый» сплюнул вниз, – я бы ни за что не подумал, что дидельфодоны такие бесстрашные. Вот кого нам надо бояться при переходе к горам. Если они так смело разгуливают по равнине, значит о велоцерапторах можно не беспокоиться. Впрочем, забывать о них тоже нельзя.

– Давай нож, – я протянул к «первому» руку, – грохну вожака.

«Первый» отдал мне нож. Через секунду вожак замертво упал на землю с торчащим из шеи ножом, а стая бросилась врассыпную.

Мы спустились с дерева. Я вырезал ножом из толстой ветки молодого клёна лопатку, которой выкопал в мягком грунте два углубления подходящего размера. В одной яме «первый» приступил к разделке тушки молодого дидельфодона, а во второй я закопал мёртвого вожака. Мне не очень-то нравилось такое занятие, но в нём была необходимость, ведь

завтра мы выйдем в этот район в рассветных сумерках и нас вовсе не прельщала встреча с представителями местной хищной фауны, привлеченной запахом падали.

Наконец напарник разделал зверька, выложил дно рюкзака широкими листьями реликтового клёна и сложил туда мясо. Вещи, лежавшие до сих пор в его рюкзаке, я поместил в свой. Перед тем, как отправиться в обратный путь, сели перекусить питательными батончиками. Пообедав на скорую руку, мы углубились в лес. Вскоре начал накрапывать мелкий дождь, из-за чего моё зеркальце заднего вида стало бесполезным. Посовещавшись, мы решили, что дальше будем передвигаться «тяги-толкаем», меняясь местами каждые двести метров. Первые двести метров ведущим будет мой напарник. Мне придётся идти спиной вперёд, а «первый» станет направлять меня, держа одной рукой за ремень

Мы сняли автоматы с предохранителей, напарник ухватил меня за ремень и таким вот странным образом мы двинулись в путь. Несмотря на то, что скорость нашего продвижения сильно снизилась, до дерева, на котором находилось наше жилище, мы добрались хоть и в сумерках, но ещё при достаточном освещении, позволяющем хорошо видеть даже при морозящем дожде метров на пятнадцать.

Внутри нашего «домика на дереве» было сухо. Мы разделись догола, развесив мокрые вещи на ветках под навесом. Там же повесили рюкзак с мясом. Ужинать было рано, поэтому мы зажгли красный фонарь и улеглись отдыхать.

– Слушай, – обратился ко мне «первый», – у тебя и впрямь нет ни каких мыслей по поводу происходящего?

– С чего им быть-то?

– Сфера, которую я виню в нашем перемещении сюда, была нацелена на тебя. Ты был её мишенью, в этом я практически уверен. Если это так, то пораскинув мозгами ты, возможно, сумеешь вспомнить какие-нибудь обстоятельства, позволяющие сделать вывод, что именно из-за них всё это происходит. Может быть, ты уже подозреваешь что-то, только не можешь это для себя уяснить?

– Нет, Стах, нечем мне тебя обрадовать. Но если ты прав насчёт некой связи между мной и сферой, появляется шанс, что она нас отсюда вытащит рано или поздно.

– У меня тоже возникала такая мысль. Очень надеюсь, что сфера своей цели не достигла, что однажды она выдернет нас из мела хотя бы во времена существования гомо сапиенса.

Мы замолчали. Да и о чём говорить в такой обстановке. Мы оба были выбиты из колеи, находились в стрессовом состоянии, а стресс беседе не помощник. Ладно бы один был в стрессе, а второй нет, тогда, при желании второго, могла бы получиться психологическая беседа, облегчающая состояние первого. А накручивать друг друга пустыми измышлениями – увольте. Так до выяснения отношений может дойти. Хорошо, что мы оба это понимали, поэтому сдерживали себя до момента пусть не полного, но успокоения.

Дождь не прекращался. Невзирая на излишнюю влаж-

ность воздуха, температура его была такой, что даже будучи голыми, мы чувствовали себя вполне комфортно. Жаль только, при такой высокой влажности, одежда наша ни за что не высохнет. Я представил ротную сушилку. Сейчас бы разлечься на горячих толстых трубах, а затем заснуть без оглядки и опаски. Заснуть, не боясь, что тебе на голову спустится летающая ящерица с клювом, в который легко поместится взрослый человек среднего роста.

Завтра мы отправимся в горы. Я очень надеялся, что ещё с вершин близлежащих к горам холмов мы сможем обнаружить подходящую пещеру, где, забаррикадив вход, можно будет смело развести костёр. А пока у нас один на двоих бисквит, одна пачка галет, один пакетик чаю и килограммов пять сырого мяса сомнительного качества. Хорошо, что воды в досталь. Мы повесили на суках прямо под стекающие с парашюта струи все имеющиеся у нас ёмкости: две вымытые консервные банки, две фляги и два пластиковых пакета из-под съеденных галет и бисквита. Было слышно, что они переполнены, и дождевая вода с журчанием перетекает через их края.

Прислушиваясь к журчанию воды, я не заметил, как уснул. Проснулся от толчка напарника. Только собрался спросить, в чем дело, как услышал за стенами нашего «домика на дереве» чьё-то сопение. Ночь ещё властвовала над окружающим миром, заключив союз с дождём. «Первый», видимо увидев, что я заснул, потушил фонарь и тоже лёг

спать. К счастью, его сон оказался более чутким, чем мой.

В этой крошечной мгле были явно различимы только два звука: журчание воды и сопение какого-то крупного животного. Оно находилось ниже нас, и привлекли его не запахи, а журчание воды. Было слышно, как оно шумно втягивает воздух ноздрями, стараясь определить степень опасности, исходящей от нашего жилища. Я нащупал в темноте грудь «первого», слегка надавив на неё двумя пальцами. Это был условный сигнал «ждём». Через секунду «первый» ответил мне аналогичным нажатием. Вот и ладно. Что-то, а ждать мы научены.

Через минуту животное спрыгнуло на ветку ниже, потом ещё ниже. Больше никаких звуков мы не слышали. Можно было отложить автомат, чтобы обсудить происшедшее.

– Мясу кирдык, – проговорил «первый», – эта тварь стащила наше мясо.

Потеря мяса меня не особо расстроила. Добудем ещё. Здесь, в мире, где до нашего появления никогда не ступала нога человека, полно непуганого зверья. Это рай для охотника. В смысле не то место, куда попадают после смерти охотники, а то, в котором они мечтают поохотиться.

– Как думаешь, что это был за зверь?

– Черт его знает. Может кто-нибудь вроде акристерия?

– Это ещё кто? Ящер?

– Нет. Млекопитающее типа того, что мы убили. Только

если дидельфодон, по твоему меткому определению, похож на смесь капибары и крысы, то эта тварь подобна на смесь куницы и собаки.

– Думаешь, он съедобный?

– Думаю, что здесь все съедобные после хорошей термической обработки.

– Чур, твою каску на котелок пустим, – засмеялся я, прекрасно зная, что тактический шлём на котелок не годится, – что-то бульончика захотелось.

– Да без проблем. Было бы кого варить – подхватил мою шутку «первый».

Даже в полной темноте я почувствовал, что «первый» улыбался. Это был хороший знак, ведь означал он, что мы оба потихоньку нормализуемся.

Остаток ночи мы дежурили по очереди. Сначала два часа бодрствовал я, потом два часа «первый». Через четыре часа, увидев, что дождь не унимался, мы съели по полбисквита, запили их водой и продолжили поочерёдный сон. Так прошёл ещё один день.

Дождь закончился с приходом ночи. Эта ночь была лунная и светлая. Только сейчас, глядя на почти полную луну, я осознал, что в предыдущие ночи, проведённые нами в этом мире, небо закрывали плотные тучи. Я так был занят собой и своими переживаниями, что не замечал отсутствия луны и звёзд. Появление луны обрадовало не только меня. «Первый» нет-нет, да задерживал взгляд на величественном тво-

рении природы, и тогда на его лице появлялась грустная полуулыбка. Я тоже испытывал смешанное чувство, но грусть в моём сердце вызывала отнюдь не луна, а ощущение безысходности и одиночества. Да-да, одиночества, вопреки тому, что рядом со мной на расстоянии вытянутой руки находился человек, который мне нравился всё больше и больше. Я чувствовал, что между нами зарождается дружба. «Первый» был, несомненно, мужиком и, вспоминая об остальных своих сослуживцах, я не смог выделить ни одного бойца, с которым хотел бы оказаться в этой ситуации.

Нам не спалось. Не потому, что так сказалось на нас появление луны. Не она лишила нас сна. Причина нашей бессонницы была значительно банальней: мы продряхли весь дождливый день. Каждый по половине дня, но этого оказалось достаточно. Усевшись на ветку рядом с «домиком на дереве», мы, как и в первый вечер в Меловом Периоде, созерцали окрестности. Но если в первый раз мы осматривали их в надежде узреть хоть что-то сотворённое руками человека: дым, трубу, самолёт в небе, радиовышку, гонимый ветром по воздуху пластиковый пакет, то сегодня мы просто любовались девственной, невероятно прекрасной природой. Если бы такие посиделки проходили в нашем мире, я бы обязательно выстрелил в воздух из озорства, но здесь, в дебрях реликтовых лесов, никто не оценит моей выходки, ни у кого она не вызовет ни раздражения, ни испуга, ни удивления.

Вдруг под нами раздался шум. Создавалось впечатление,

что на одной из нижних веток топчется большой петух, примеряясь к прыжку перед тем, как перескочить на другую ветку. Мы переглянулись и перетащили висевшие за спиной автоматы на грудь. Вскоре шорох раздался ближе, затем ещё ближе. Какое-то животное поднималось на верхушку нашего дерева, и мы оба знали – это воришка возвращается на место своего преступления в надежде, что ему повезет, и он снова сможет чем-нибудь поживиться.

Мы ждали, следя за шумами, но всё равно, когда зверь вспрыгнул на ветку рядом с нами, мы оба дёрнулись. Не знаю, кого ожидал увидеть «первый», я же был уверен, что перед нами возникнет смесь куницы и собаки, поэтому, когда в трёх метрах от меня вскочил на ветку гигантский петух, я слегка оторопел. Впрочем, петуха зверь напоминал весьма отдалённо. Высокий, около двух метров ростом, он цепко держался своими голенастыми ногами за ветку, и пальцы его ног заканчивались солидными когтями.

Зверь смотрел на нас, а мы на него. Мы не шевелились, а он, приоткрыв зубастую длинную пасть, разглядывал нас то левым, то правым глазом, то обоими глазами сразу. Ну, совсем как петух. Его верхняя челюсть представляла собой ороговевший птичий клюв, а нижняя была похожа на обычную челюсть динозавра, если, конечно, слово «обычная» вообще применима к динозаврам. У зверя были короткие недоразвитые, не способные к полёту крылья, но, являвшиеся великолепным вспомогательным инструментом, позволяю-

щим ему прыгать выше, приземляться без ушибов и балансировать на ветках. Само тело зверя не было покрыто перьями, только частично передние лапы, благодаря чему их можно было назвать именно крыльями. Зверь шевелил своим длинным хвостом, а из горла доносился тихий клёкот. Думаю, увидев нас, он оказался в ещё большем недоумении, чем мы.

– Он съедобен? – в полголоса спросил я. Зверь мгновенно вытянул свою длинную шею вверх, наклонил набок голову и уставился на меня, стараясь понять кто, или что я.

– Думаю, что съедобен. Но если в него пальнуть, внизу будут одни ошмётки. О ветки разобьётся.

Динозавр не двигался с места. Он крутил головой, меняя ракурс своего взгляда на нас. По всей видимости, два голых парня, увиденные им впервые, не возбуждали в нём ничего кроме любопытства.

– Он вроде не опасен. Пасть небольшая, зубы маленькие и все плоские, похожие на коренные. Серьёзно укусить не сможет. Может мне прыгнуть на него и шею свернуть? – мне показалось, что это не трудно.

– Свалиться вместе с ним не боишься? К тому же его оружие ноги. Ног страуса даже львы боятся, а у этого что ни коготь, то острый кинжал. Он тебе кишки на раз выпустит. Этот гарпимим в драке по страшней казуара будет.

– Тебе приходилось драться с казуаром? – я пошутил умышленно, ведь в такой необычной обстановке шутка была

вполне уместной.

«Первый» рассмеялся, а динозавр подпрыгнул на ветке от неожиданности. Теперь рассмеялся я. В ответ динозавр максимально вытянул шею вверх, задрал голову и заклекотал в полный голос. Его клёкот был так похож на необычный смех, что создавалось впечатление, будто он понял шутку и решил нас поддержать. Мы с «первым» уже не смеялись. Мы ржали как кони. И этот чудо-петух тоже «ржал» всё громче и громче, а потом бросился на нас. Бросился лапами вперёд, выставив в нашу сторону свои ужасные когти. Мы вовремя среагировали и отклонились, давая динозавру пролететь между нами. В тот момент, когда он, пролетев мимо, должен был рухнуть вниз, я, едва не свалившись с ветки, извернулся всем телом и схватил одной рукой динозавра за шею у самого основания черепа. Он забился на весу, стараясь достать своими длинными ногами до моей руки, но тщетно. «Первый» метнулся в «домик на дереве» и принёс кусок стропы. Им, перевязав динозавру шею, мы привязали тушку к ветке.

Глава пятая. Путь к горам

Утро было чудесное. Тихое, тёплое, безветренное и ясное. Мы проснулись ещё до восхода солнца и спустились вниз. Кроме прекрасного утра жизнь преподнесла ещё один маленький, но приятный сюрприз: внизу мы обнаружили совершенно целый рюкзак «первого». Похоже, когда гарпимим тащил его вниз, мясо вывалилось из рюкзака, и он перестал быть для зверя интересным.

Справив свои естественные надобности, мы снова забрались на дерево и стали не торопясь собирать вещи. Спустили всё вниз. Там внизу, скрутили в скатку свой домик, приторочив его к моему рюкзаку. Тушку гарпимима разделявать не стали, а вырезав самые мясистые части, упаковали мясо в рюкзак «первого», затем двинулись по уже известному пути. И снова никто не решился показаться нам на глаза. Лес словно вымер. Только куски гарпимима в нашем рюкзаке говорили о том, что эта тишина обманчива. К тому же «первый» был уверен, гарпимимы стайные животные, а вот почему наш воришка оказался на нашем дереве в одиночестве, объяснить не смог.

Мы вышли на край леса к тому дереву, что использовали ранее в качестве наблюдательного пункта и снова забрались на него. Холмы, лежавшие перед нашим взором, были пу-

стынны. Я так надеялся увидеть над ними длинную шею диплодока, но «первый» объяснил, что в позднем меле диплодока, скорее всего не встретить, а вот какого-то футалогнкозавра вполне возможно. Правда, они не ходят, вытянув вверх шеи, словно мачты, а держат их параллельно земле. К тому же, чем крупнее травоядные, тем крупнее хищники, охотящиеся на них. Рядом со стадом футалогнкозавров можно запросто встретить парочку зубастых гигантозавров. Куда прятаться от десяти тонной громадины гигантозавра, тираннозавра или спинозавра при отсутствии надёжной и глубокой скальной пещеры? Только бежать. Бежать до тех пор, пока он тебя не съест. Вот по этой причине мы идём в горы. Мы прекрасно понимали, что найдя пещеру, придётся жить с оглядкой в круге с километровым радиусом, чьим центром будет эта пещера, но нам больше и не надо, ведь в гости здесь идти не к кому. Исключительная задача, стоявшая сейчас перед нами – выжить максимально долго в ареале, очерченном нашими собственными возможностями и единственное, в чём я был уверен, что как только будет выпущен последний патрон, счёт наших жизней пойдёт на дни.

Подтвердив визуально свой маршрут к горам, мы спустились с дерева, чтобы развести костёр. Затем нарезали тонкими ломтями мясо «петуха» и хорошенько его прожарили. Ещё раз обговорили условные сигналы на случай непредвиденных ситуаций. Наконец, взвалив на себя поклажу, мы встали плечом к плечу на кромке долины и леса, как гово-

рится «на дорожку».

До гор напрямик было около тридцати километров, но учитывая зигзаги от вершины холма до вершины следующего, у меня закрадывались большие сомнения, что мы успеем до заката войти в горы и найти хотя бы более или менее безопасную расщелину, не говоря уже об удобной пещере.

Трава, покрытая мелкими жёлтыми цветами, похожими на цветы лютика, доходила нам до пояса. Этот факт так же усложнял наше продвижение. Трава покрывала всё видимое пространство, но, как объяснил «первый», именно благодаря цветению травы, мы можем не встретить в ней ни одного хищника. Запахи и раздражающая носоглотку пыльца весьма затрудняют охоту.

Сегодня на моём шлеме красовались два зеркальца заднего вида: моё и принадлежавшее «первому». Значит, я смогу лучше контролировать свой тыл. Правда, «первому» придётся смотреть вперёд и по сторонам за двоих, ведь я буду ориентироваться на его спину в большей степени косвенным взглядом.

– Вперёд? – я посмотрел на «первого». Тот, не поворачивая ко мне лица, кивнул согласно, тронулся с места, тут же перешёл на лёгкий бег мелкими шагами, а пробежав пять метров перешёл на спокойный размеренный шаг. Этим он установил необходимое между нами расстояние. Если на кого-то из нас нападёт хищник, у второго должна быть дистанция, позволяющая дать секунду-другую на оценку ситуации

и соответствующую реакцию на неё.

Я двинулся за «первым», бросая поочерёдные взгляды в зеркала, как вдруг увидел в одном из них движение. Кто-то вышел из леса. Я тут же скомандовал «первому» остановиться.

Мы оглянулись. На границе леса стояла стайка, состоявшая из четырёх «петухов» и смотрела на нас.

– Вот и провожающие, – засмеялся «первый», – думаю, опасаться нечего. Это всего лишь простое любопытство животного.

– А если пойдут за нами?

– Придётся одного застрелить.

Гарпимимы за нами не пошли. Постояли на краю леса с минуту и скрылись среди деревьев. Мы помахали им вслед, затем снова двинулись в путь. Всё дальше и дальше удалялись мы от приютившего нас на несколько дней дерева, и расставание с ним породило в моём сердце неожиданную грусть.

С вершины первого холма открывалась всё та же панорама, что и с высоты наблюдательного дерева, стоявшего на краю леса. В этой панораме было только одно изменение – лес превратился в широкую чёрно-зелёную полосу. Вершина второго холма тоже ничего нового не принесла, кроме ещё дальше отодвинувшегося леса. Я шёл за «первым» к третьему холму и думал: «А вдруг это постапокалиптические времена, когда все динозавры уже вымерли, а современные млекопитающие ещё не появились? И сейчас на земле только

мы с «первым», да несколько «вомбатов» с «петухами»?» Но потом бросил быстрый взгляд на бездонное голубое небо с редкими клочками почти не двигающихся облаков и успокоил себя: «Подожди, дружище, ты ещё будешь мечтать об этой пустынной обстановке. Неужто забыл тот далёкий трубный глас неизвестного гиганта, приветствовавшего наше появление в этом мире? Гиганта настолько огромного и сильного, что он не боится заявлять о себе во всеуслышание без оглядки на присутствие в этом мире двенадцати тонных хищников».

Ближе к вечеру мы устроили на одном из холмов полу-часовой привал. Лес превратился в тонкую тёмную полоску, а горы, казалось, ничуть не стали ближе. Я знал, что это обманчивое впечатление, что скоро наступит момент, когда они начнут зрительно расти с каждым шагом, раскрывая нам всё больше и больше подробностей своего ландшафта.

Мы ели жареное мясо гарпимима сидя на траве, прислонившись спина к спине. Мясо на вкус было похоже на мясо индюка, но без соли мне не понравилось. Затем по очереди отдыхали лёжа. Сначала «первый» на десять минут блаженно вытянулся во весь рост, а я стоял над ним с автоматом, в шлеме с зеркалами, потом я расслабил уже начавшие ныть от долгой ходьбы мышцы. Только когда закрыл глаза, почувствовал, насколько они устали от постоянного сосредоточенного взгляда в зеркала.

Дальше первым шёл я, а в пяти метрах сзади «первый».

До гор добрались в сумерках. Дважды мне мерещилось вдали какое-то движение, и дважды я останавливал наше продвижение, чтобы в прицел осмотреть окрестности. Однако горизонт в сгущающейся темноте оставался пустынным. О том, чтобы ещё на подходе визуально найти на склоне гор надёжное место для ночлега, разговора уже не было. К подножию горы мы подошли в тот момент, когда зашедшее солнце бросило последние лучики на редкие облачка, застывшие на западе. Пришлось включить тактические фонари на шлемах. Освещая склон светом фонарей, мы старательно прислушивались к звукам вокруг, ведь видели мы только то, что указывал нам луч, а всю остальную обстановку поглощал густой мрак. Медленно и осторожно мы пробирались среди камней, поднимаясь всё выше и выше. Удобную глубокую расщелину обнаружили примерно через час. Тут же, сняв рюкзаки, забились в неё поглубже, где заснули без задних ног.

Утром, едва проснувшись, мы перекусили на скорую руку жареным мясом и принялись за поиски пещеры. Убили на поиски весь день, истоптали все ноги, а к вечеру вернулись к расщелине, в которой ночевали. Как я и предполагал, мы не то, что пещеры, но даже более удобной расщелины не обнаружили. Ни пещеры, ни расщелины, ни живого существа. Я представлял себе мир динозавров иначе. Этакая идиллия в зелёной долинке окружённой горами, где тучными стадами бродят разнообразные травоядные ящеры, а из близлежащего лесочка плотоядно поглядывают на них плотоядные ди-

нозавры. Практически в любой книжке про динозавров найдёшь такую картинку. Умом я всегда понимал, что нарисована она только для того, чтобы одним махом дать понять читателю о разнообразии динозаврового мира. Очувившись в этом мире, я автоматически ожидал увидеть именно такую стереотипную картину.

Второй день в горах снова не дал результатов, но мы ещё с утра решили не возвращаться к месту нашего ночлега, а заночевать там, где застанет нас ночь. К вечеру обнаружили на высокой скале ровный скальный уступ длиной около шести метров и шириной метра три. Я включил тактический фонарь и быстро забрался на уступ, затем спустил верёвку, с помощью которой поднял наши вещи, а затем напарника. За ужином мы решили перевалить через горы, чтобы попытаться счастья с обратной стороны. Спали мы опять без дежурств, ведь забраться к нам вряд ли смогло бы хоть какое-нибудь животное.

Проснулся среди ночи от прикосновений к груди. Поначалу я решил, что это «первый» хочет меня о чём-то предупредить. Но эти странные лёгкие прикосновения не были условным сигналом. Никакой информации они не несли. Впрочем, всё же несли. Я включил тактический фонарь на лежащей рядом каске, и моё сердце поскакало из груди к пяткам. Сначала оно несколько раз мощно ударилось о рёбра, создав холодный вакуум в области лёгких. Затем зацепило желудок, вызвав в нём спазм. Потом грохнулось о тазобедренные ко-

сти, от чего мои сфинктеры тут же откликнулись произвольным сжатием. После этого оно зацепило коленный сустав, вызвав ватное состояние обеих ног и, наконец, успокоилось в левой пятке, предоставив мне самому разбираться с собственным страхом.

Однажды, ещё до моего перехода по территории Югославии, мы с другом попали в Минский кинотеатр «Комсомолец» на ретроспективный показ английского фильма 1966 года выпуска, называвшегося «Миллион лет до нашей эры». В этом фильме в одном из сюжетов были использованы кадры с настоящим вараном, только увеличенным до невероятных размеров. Я не знаю, почему в той ситуации, в которую забросил нас случай, никто из нас двоих не вспомнил про варанов, ведь ископаемые останки комодских варанов насчитывали возраст около четырёх миллионов лет. Существовала вероятность, что жили они ещё раньше и распространены были на более обширных территориях, чем в будущем. Во всяком случае, мой «палеонтолог» просто обязан был о них помнить, но в силу каких-то причин, выпустил этого представителя доисторической фауны из виду. А змеи? Да любой доисторический питон мог снять нас с уступа на два счёта. Раз – нет меня, два – нет «палеонтолога».

В свете тактического фонаря на меня смотрела огромная голова варана. Можно сколь угодно долго убеждать меня, что этого не может быть, что вараны не проживали на территории, ставшей со временем Смоленской областью, но это был

именно варан. Его длинный, толстый язык шевелился перед моим лицом, и эти движения вызывали у меня омерзение. Невзирая на все описанные мной симптомы охватившего меня страха, я на удивление спокойно подтянул к себе автомат, снял его с предохранителя, вскинул, прицелился в ту часть приоткрытой пасти, откуда высовывался язык чудовища и, нажав на курок, послал меж челюстей две пули. Это были первые два патрона из нашего запаса, растраченных мной. Растраченных настолько хладнокровно, что у меня сложилось впечатление, будто это не я, а кто-то другой сделал выстрел. Думаю, что в жизни любого человека случалась ситуация, когда, несмотря на охвативший его ужас, он продолжал делать то, что необходимо в сложившейся ситуации, словно им управлял кто-то со стороны. В общем, я выстрелил, и голова чудовища исчезла. Внизу под нашим карнизом раздался звук упавшего на камни гигантского тела, а через секунду мы с «первым» уже стояли на краю карниза и в свете фонарей осматривали огромную неподвижную тушу. «Первый» молчал, оторопев от выстрелов, увиденного монстра, и я решил разрядить обстановку:

– Ты не в курсе, его есть можно? А то у нас мясо заканчивается.

– Не думаю, – ответил «первый», но почему то при этом пожал плечами.

Внизу шумно вздохнув зашевелилось чудище. Мы оба были настолько шокированы произошедшим, что наша психи-

ка дала сбой. Мы даже не подняли оружие наизготовку, а безучастно наблюдали за попытками гигантского ящера встать на ноги. Он ворочался, издавая громкие шипящие звуки, а из его пасти обильно текла кровь. Наконец ему удалось перевернуться на живот и он, забирая вправо, видимо вследствие ранения, устремился по склону вниз, оставляя за собой прерывистый кровавый след.

– Обиделся, наверное, – произнёс «первый» и нервно хихикнул.

– Сдохнет где-нибудь внизу на радость падальщикам такая громадина. Сто процентов пули несколько раз срикошетили внутри о кости черепа. Как он умудрился с фаршем в башке убежать?

«Первый» промолчал. Я посмотрел на него, осветив ему лицо фонарём. Он никак не отреагировал на яркий луч. Не закрыл глаза рукой, не отклонил голову. Он просто стоял и смотрел вниз, туда, где в темноте скакали по склону камни, выдавая своим стуком перемещение гигантского варана. «Первого» трясло. Он стоял, обхватив себя руками за плечи, и колотился. Колотился словно голый на тридцатиградусном морозе. Глядя на него и меня начала пробирать дрожь. Это ничего, это послестрессовое состояние. Главное, что оба живы. Было бы гораздо неприятней проснуться и увидеть ноги напарника, торчащие из пасти монстра. Я подбадривающее положил ладонь на плечо «первого».

– Подохнем мы тут, – произнёс дрожащим голосом в ответ

на моё прикосновение «первый», безостановочно стуча при этом зубами, – непременно подохнем.

Глава шестая. По ту сторону гор.

Я до сих пор не понимаю, как мы могли быть настолько беспечными, проведя в горах целых три ночи без дежурств. Видимо сказались усталость, а так же отсутствие животных у подножия и на склоне гор, обследованных нами. Теперь, поднимаясь по склону чтобы перевалить на ту сторону кряжа, мы всматривались в каждый камень, в каждую тень. Мы чуть ли не через каждую сотню метров останавливались и, прижавшись спина к спине, осматривали склоны через увеличительные линзы автоматных прицелов. Но склон, как и в предыдущие дни, казался абсолютно пустынным.

Сидя возле небольшого горного ручья, обнаруженного нами на второй день пребывания с обратной стороны гор, мы наслаждались чистой водой. Три дня без воды дали о себе знать. Даже отсутствие еды не выбивало так из душевного равновесия, как отсутствие воды. Мясо мы давно выбросили, потому что оно начало вонять, а нового мяса пока не обнаружили. Зато обзавелись собственным источником, который были готовы защищать от посягательств любого живого существа. Но никто на обнаруженный нами ручей не посягал.

Чистые, свежие, мы выстирали наши одежды и разложили их для просушки на камнях. Сами нашли большой плоский камень неподалёку и уселись на него лицами в разные сторо-

ны, чтобы иметь круговой обзор. Я уже был готов задремать, расслабившись от солнечных лучей, льющихся сверху и горячего камня, подогревающего мой зад, как вдруг «первый» одёрнул меня:

– Смотри, – он показывал мне за спину вытянутой рукой. Голос его был спокоен. Я не спеша развернулся.

– Что ты там увидел?

– Метров шестьсот вниз в направлении моей руки.

Я взгляделся. Вниз по склону, примерно в шестистах метрах от нас, едва различимые среди камней, продвигались большой группой какие-то животные. Мы вскинули автоматы, прикинув к прицелам. Это были динозавры. С валуна, на котором мы сидели, они напоминали уже знакомых мне гарпинимумов.

– Петухи?

– Не думаю. Общее сходство имеется, но это не они.

– В любом случае это мясо. Надо за ним спуститься, чтобы пристрелить одного наверняка. Я могу с этого расстояния попробовать, но не в голову.

– Нет, надо наверняка, чтобы не бегать потом по горам за раненым животным. Но для начала давай посмотрим, может мясо надо не только нам. Ты внимательно осмотри местность вокруг стаи, а я тебя прикрою, ведь хищнику, что будет на них охотиться, мы тоже сгодимся на обед.

«Первый» прав. Я встал на одно колено, снова прильнув к прицелу. Животные сгрудились возле небольшого озера,

образованного ручьём на пологом участке склона и принялись утолять жажду. Время от времени они отрывались от водопоя, оглядывая склоны. Судя по их спокойствию, склоны угрозы не таили.

Я осматривал склон около пяти минут, но ничего, вызывающего подозрения на присутствие рядом хищника не заметил. Мы быстро натянули на себя не успевшую высохнуть полностью форму, собрали свои вещи, взвалили рюкзаки, после чего осторожно двинулись к озерцу. Как только сократим расстояние до трёхсот метров, я добуду нам мясо. Только на чём мы будем его жарить? На склоне не было ни деревца, а внизу, у подножия, расстилалась безлесная равнина, раскинувшись во все стороны, докуда хватало глаз.

Пока мы старались сблизиться со стадом, оно закончило водопой, начав неторопливое движение по склону дальше, не спускаясь в долину и не подымаясь к вершине. Мы подкорректировали своё движение, продолжив спуск по диагонали с таким расчётом, чтобы выйти им наперерез. Когда расстояние сократилось, я выбрал в стаде молодую некрупную особь и сделал выстрел. Моя жертва рухнула как подкошенная, а стадо мгновенно сбилось в плотную кучу, завертев головами в поисках опасности. Похоже, что выстрел, разлетевшийся эхом по горам, их несколько не испугал, а только насторожил. Мы не двигались, затаившись среди камней. Вскоре животные, обнюхав своего неподвижного собрата, словно прощаясь с ним, продолжили свой маршрут.

По словам «первого», добытый нами зверь, скорее всего, был рабдодоном. Впрочем, мне было всё равно, как его называли. Он оказался немного крупнее и значительно мясистее гарпинимума. Мы набили рюкзак «первого» филейным мясом под завязку в надежде, что ещё сегодня набредём на дрова. Посоветовавшись, решили идти за стадом на некотором отдалении, в надежде, что они двигаются в район, где смогут обеспечить себя растительной пищей, а значит, нас топливом. Вскоре рабдодоны обнаружили следующий за ними «хвост», но проигнорировали его. Мы не походили внешне на хищников, представляющих опасность для их стада, к тому же они превосходили нас и числом, и ростом. У нас появилось около сотни дополнительных глаз, способных высматривать опасность и около пятидесяти глоток, чтобы предупредить нас о ней. Правда, был в их присутствии небольшой недостаток: нам приходилось чаще смотреть под ноги, ведь испражняясь, рабдодоны наваливали приличные кучи.

Два дня мы шли за стадом рабдодонов, так и не решившись попробовать сырого мяса. На второй день оно начало источать душок, и мы вывалили его из рюкзака на камни. Вывалили без сожаления, ведь в двухстах метрах от нас шла целая толпа живых консервов. К концу второго дня рабдодоны вывели нас к ещё одному ручью, где остановились на ночёвку. Мы поднялись вдоль ручья выше по склону, где найдя подходящую расщелину, устроились на ночлег, накрывшись парашютами.

Утренняя прохлада разбудила нас до рассвета. Мы лежали в расщелине, прижавшись друг к другу, прислушиваясь к тишине. Наконец выглянуло солнце, мы выбрались наружу, умылись, напились и стали ждать, когда стадо тронется в путь.

Третий день с рабдодонами не принёс ничего нового. Во второй половине дня мы увидели выше по склону площадку и решили обследовать её в надежде, что там будет пещера. Снова сыграл стереотип. Благодаря кино и книжкам, мы подсознательно решили, что жилые пещеры всегда обустроены удобными площадками перед входом.

Площадка нас удивила. С неё открывался проход на небольшое горное плато, делавшее загиб за гору. Любопытство победило здравомыслие. Решив, что стадо продолжит свой путь параллельно склону, и мы сможем в любой момент его догнать, мы решили посмотреть за поворот. Мы шли без страха, ведь всё на плато было как на ладони. Справа уходила резко вверх гора, а слева расширяющейся площадки, с каждым нашим шагом увеличивал свою крутизну обрыв. По самому краю обрыва там-сям лежали огромные куски скал, но нам они не были интересны и не являлись помехой. Когда ширина площадки достигла тридцати метров, а до поворота оставалось примерно столько же, за нашими спинами раздался странный звук. Мы оглянулись.

Если предположить, что наш мир создан кем-то всевластным, всеильным, то это не обязательно волшебник по име-

ни Бог. У Станислава Лема есть словосочетание, дающее замену понятию «бог» и оно мне нравилось значительно больше – Великие Конструкторы. Нравилось потому, что оно, при наличии более могущественных, чем человек существ, давало человеку право не молиться им, не просить о благах и заступничестве, не ждать от них поощрений и милости, а просто жить. Жить без оглядки на кого-то свыше, жить, не ожидая одобрения или наказания, не ожидая подачи, не возлагая бессмысленных надежд.

Я не верил в Бога. Не верил даже в Великих Конструкторов. Создать такое чудовище могли либо сама природа, либо психически больное сознание. Психически больное сознание способно порождать только монстров, но не Вселенную, отрегулированную до такой степени, что её можно смело называть вечным двигателем, как и вращающиеся вокруг атомного ядра электроны. Больной мозг на такую точную работу не способен, поэтому присутствие монстров любого обличия в нашей жизни, будь то Т-Рекс, или Чикатило, являлось для меня главным доказательством отсутствия создателя.

Звук, который мы с напарником посчитали странным, был вздохом. Этот вздох был глубоким, шумным, как тысяча кузнечных мехов, страшным, парализующим тело и сознание. Создавалось впечатление, что тварь умышленно задержало дыхание, прикинувшись обломком скалы, лежащим на краю обрыва. Теперь это чудовище медленно поднималось на ноги, громоздилось над нами всё выше и выше, делая глубокие

шумные вздохи, словно стараясь быстрее отдышаться. Исчадие ада было похоже на тираннозавра, но только с более короткой и высокой головой, на которой выделялись два выроста над маленькими глазами. Животное поднялось в полный рост на высоких и удивительно стройных для такого титана ногах, горой возвышаясь над нами, а мы стояли, хлопая глазами от удивления. Сколько в нём было росту? Думаю метров шесть, не меньше. Длиной зверюга была метров двадцать, а уж про вес этой громадины и загадывать не хотелось.

Первым опомнился мой напарник. Он, молча, развернулся всем телом, схватил меня за рукав и потащил за собой. Похоже, «первый», как и я потерял от удивления дар речи. А ведь было от чего.

Мы побежали. Мы неслись во весь опор к повороту, надеясь, что за ним найдём спасительное убежище, а чудовище сзади никуда не торопясь сделало первый шаг. Затем второй. Это неторопливое движение хищника подсказало мне, что спасения за поворотом не будет, что там, скорее всего, его логово, или лежбище, или какое-то иное место обитания, являвшееся для него домом. В моей груди начала закипать злость, я замедлил бег, перехватывая на ходу автомат поудобнее. «Вот, значит, какой он, мой последний бой, – подумал я. – Не таким я его себе представлял, не таким». Я поймал себя на мысли, что даже перед смертью лицемерю сам себе, ведь я ни разу не думал о последнем бое. Я был уверен, что мой автомат не остановит хищника, что через

несколько секунд умру и единственное, о чём я сожалел, это то, что прожил так мало. Моя короткая жизнь пролетела как один год. Нет, не год, а всего лишь, как один день, вернее, как одно мгновение. Каким я был в это прожитое мной мгновение? Этого я уже никогда не вспомню, ведь я постоянно лгал самому себе. За этим лицемерием я забыл, какой я есть на самом деле. И ведь продолжал лицемерить даже в последние секунды жизни, придумывая невесть что о последнем сражении. Я, стараясь оставаться честным перед другими, постоянно обманывал себя.

«Первый» оглянулся. Увидев, что я начал притормаживать, он заорал что есть мочи:

– Беги, дурень! Беги!

В его крике было столько отчаянья, столько боли за меня и страха остаться одному, что я поддался на крик, помчавшись за ним, что есть мочи. Однако «первый», уже начавший поворачивать за угол скалы внезапно резко сбросил скорость. Не понимая, что происходит, я снова начал замедлять ход и тут перед моими глазами предстала местность, до сих пор скрываемая выступом скалы. Впереди была пропасть. Мы подбежали к пропасти и, тяжело дыша, остановились. Далеко внизу нёс свои скудные воды узкий мелководный ручей. Он был так далек, что прыгать вниз означало неизбежную смерть. Смерть сзади, смерть спереди. Я выругался зло и смачно, прижимая приклад автомата к плечу.

– В какое место лучше всего стрелять? – спросил я «пер-

вого». В душе теплилась надежда, что его знание доисторического мира снова спасет нам жизнь.

– Стрелять бесполезно. Прыгаем.

– Ну, уж нет. – Я сорвал с груди гранату, вырвав при этом чеку, затем резким движением накатил её к ногам приближающегося чудовища.

Взрыва я не увидел. «Первый» схватил меня за шиворот, дёрнул изо всех сил и полетел вместе со мной в пропасть. Я падал спиной вперёд, крича и матерясь. Когда над обрывом показалась голова зверя, я прильнул к прицелу и выпустил в его морду короткую очередь. Вдруг морда исчезла. Я, удивлённый, оторвался от окуляра и не увидел гор.

Глава седьмая. Оккотононуси

Это было чертовски больно. Удар о землю пришёлся такой силы, что в первую секунду я решил, будто сломал себе спину. Я грохнулся о почву спиной. Спина выгнулась на рюкзаке так, что я заорал от боли. Затем меня подбросило метра на полтора вверх, при этом каска слетела с головы, а при повторном приземлении я расшиб об неё затылок. Пытаясь уменьшить боль в спине, я перевернулся на левый бок, подтянул автомат к себе поближе и осмотрелся. Ручья, в который я падал между отвесных стен каменного ущелья, не было. Как и самого ущелья. Перед моими глазами маячили травы, а прямо перед лицом торчал кустик ромашки. За ромашками качался на длинном стебле одинокий василёк. От вида этого нежно-синего и до боли родного цветка на глазах навернулись слёзы.

– Валюшка, – произнёс я одними губами, – привет, родная.

Над травами и цветами пламенели закатом, а может быть рассветом, облака, плывущие высоко в небе. На фоне розовых облаков, на высоком стебельке качал мне синей головкой василёк, подавая надежду, что я наконец-то дома.

Я прекрасно помнил, что «первый» летел с левой стороны, но его я почему-то не видел. Страх, что напарник остался в мире динозавров заставил меня наплевать на боль в спи-

не. Я приподнялся на локтях, а затем уселся и вытянул шею, стараясь увидеть в густой траве перед собой проплешину, обозначающую место, куда мог упасть «первый». Луг передо мной был ровным и нетронутым.

За спиной раздался стон, я вздрогнул от неожиданности, а затем с облегчением выдохнул. Не было никакого желания разбираться, почему летевший слева от меня «первый» упал справа, главное, что он был жив и находился рядом. Не думал, что меня когда-нибудь обрадует стон человека, ведь стоны должны вызывать сочувствие. Видимо я так боялся остаться один на один с неизвестностью, что даже такой признак живого существа рядом, вызвал в моей душе радость.

Я обернулся. «Первый» лежал лицом вниз. Он, по всей видимости, был без сознания. С какой же высоты мы упали? Думаю, высота была не очень большая. Вероятно, нас смогли переместить не только во времени, но и в пространстве. Я огляделся. Мы находились на большом цветистом лугу, к которому с двух сторон подступал густой, высокий лес. Две другие стороны голубели бесконечным простором. Я, конечно, понимал, что простор этот не совсем бесконечен, что где-то там, в недостижимой взору сини, также имелось препятствие в виде леса или гор. Меня совсем не услаждала вся эта неопишуемая красота, раскинувшаяся передо мной. Не услаждала по той простой причине, что её великолепие не нарушали элементы, присущие развитой цивилизации. В любом месте, тронутом рукой цивилизованного человека та-

Крик отразился от стены высокого леса и умчался в голубую даль изумрудных полей, а я снова наклонился к «первому»:

– Кажется, мы снова одни. Но я почему-то совсем не боюсь местных зверей. Что-то мне подсказывает, что они ни чем не отличаются от тех, что живут в наше время.

– Похоже, я сломал себе нос, – «первый» осторожно поднёс руки к лицу, дотронувшись кончиками пальцев до носа. – Нет, вроде цел. Мы с метров пяти навернулись. Не меньше. Летел в пропасть и вдруг прямо перед лицом земля. Я даже зажмуриться не успел.

– А мне показалось, что сломал спину о рюкзак. Ничего, у обоих до свадьбы заживет.

– Главное, невест найти, – произнёс «первый», радостно рассмеявшись.

По мне так радоваться было особо нечему, но, думаю, радовался он тому, что минуту назад, стоя на краю пропасти, глядя на приближающегося доисторического великана, не смирился со смертью, рискнул и выжил. А я смирился. Там, в позднем Меловом Периоде я умер. Испугался, сдался перед лицом смерти, но по стечению обстоятельств остался жить. Минус одна жизнь.

Мы поднялись на ноги, взвалили на себя свои пожитки и, не сговариваясь, направились в лес. Лес встретил нас тишиной, полумраком и прохладой. Высокие сосны шумели где-то вверху, но верхушки сосен скрывали от нас довольно гу-

стой подлесок, состоявший из молодых осин попеременно с редкими берёзами и клёнами. Мы искали дуб. Для ночлега нам нужно найти дерево, в ветвях которого можно было бы расположиться столь же уютно, как и в «домике на дереве» мелового периода. Вскоре мы поняли, что подлесок уничтожает все шансы на такую находку. Мало того, он был настолько густой, что существенно задерживал наше продвижение. Нам ничего не оставалось, как пойти по своим следам обратно.

В какую сторону двигаться вдоль лесного массива мы решили с помощью «камень-ножницы-бумага».

– Ты уже сложил мнение об этом мире? Как думаешь, куда мы попали? – дорогу вдоль леса нужно было чем-то занять, к тому же разговор отвлекал от голода. «Первого», видимо, беспокоили такие же чувства, поэтому на мой вопрос он ответил невпопад.

– Невезуха полная. За добычей мы шли в одном мире, а дрова для её приготовления оказались в другом. Дёрнул нас чёрт повернуть на плато, где жил монстр! Подумать только! Эта тварь не дышала, когда мы шли мимо! Как мы могли принять его за кусок скалы, ведь он даже цветом не вписывался в обстановку? – «первый» размеренно шагал впереди меня, мрачно посматривая по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.